

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

**ДОЛГАЯ ДОРОГА
ДОМОЙ**

Александр Афанасьев
Долгая дорога домой
Серия «Бремя империи», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2874185

Александр Афанасьев. Долгая дорога домой: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-53191-2

Аннотация

XXI век. В этом мире Российская Империя – великая сверхдержава. Но чем выше ее успехи, тем усерднее многочисленные враги, особенно Британия, предпринимают тайные и явные шаги против нее. В Польше – средоточении пороков и демагогии – вспыхивает бунт, бессмысленный и кровавый. В Персии посол России и разведчик князь Воронцов поневоле становится участником антиправительственного заговора. Афганистан стремится сокрушить непобедимого северного соседа с помощью «белой смерти» – героина. Местные бандиты похищают сотни русских детей, юношей и девушек, превращая их в рабов и жертв сексуальных утех жирных хозяев здешней жизни. Наследник Российского престола цесаревич Николай, с одобрения Государя, готовит операцию «Литой свинец», призванную покарать негодяев. Заодно уничтожается и центр подготовки террористов в Кабуле.

Гибель к беспредельщикам приходит с неба, ибо для возмездия нет земных границ.

Содержание

28 июня 2002 года	5
30 июня 2002 года	20
Вечер 30 июня 2002 года	64
Ночь на 1 июля 2002 года	92
27 июня 2002 года	111
30 июня 2002 года	119
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Александр Афанасьев

Долгая дорога домой

*Тот, кто встал на путь беспредела,
Тот, кто живет по законам беспредела, —
Тот и сам в любой момент может стать его
жертвой.*
Автор

28 июня 2002 года
Екатеринбург на Карахчае

В здании министерства я появился рано – в семь утра. На Востоке рабочий день вообще начинается в шесть и заканчивается в час дня – из-за жары. Кстати, в Тегеране так работали далеко не все, все-таки здесь было не так жарко, как, например, в Адене, почти конечной точке нашего влияния в регионе. Но все равно... штаб уже работал, а вот Скворца – пташки певчей – на месте не было.

Решил дождаться его в присутствии¹ – знаете, когда человек изначально чувствует за собой вину – это хорошая почва для плодотворного разговора. А поговорить было о чем.

Проснувшись в три часа ночи, я включил компьютер и вы-

¹ Раньше так называлась приемная.

шел в Интернет, чтобы понять, с чем мы имеем дело. Интернет – это вообще величайшее изобретение двадцатого века, с его помощью рухнули все границы. Теперь уже невозможно скрыть что-то, все тайное почти сразу становится явным. Во многом утратила смысл профессия разведчика – те девяносто процентов информации, которые раньше получали за счет чтения книг и газет в стране пребывания – теперь получают, как говорится, «не отходя от кассы». В МВД есть специальный отдел – его сотрудники подписаны на тысячу новостных рассылок на всех языках мира и на несколько тысяч журналов и газет. Все это обилие информации сначала прогоняется через суперкомпьютер в поисках ключевых слов и смыслов², потом отобранное электронным мозгом читают уже люди. Это происходит в тихом городе на великой русской реке Волге, где имеется сверхскоростной Интернет, хорошие факультеты языков в университете и недорогая рабочая сила. Точно также просто, с помощью Интернета, можно найти друзей, создать рабочую группу, прочитать нужную книгу и вообще получить нужную информацию. Мне она как раз и понадобилась от Интернета со спутниковым подклю-

² Поиск по ключевым словам есть и в нашем мире, а вот программы, улавливающие смысл сообщения, имеются только в этом. В этом мире Российская империя является лидером в области разработок программного обеспечения и владельцем четырех из десяти мощнейших компьютеров мира, в том числе второго по мощности. А простейший суперкомпьютер, сердце которого – несколько сотен обычных процессоров, был в любом уважающем себя университете РИ. Такое лидерство обуславливалось лучшей в мире математической школой и мощной научной школой, занимающейся проблематикой искусственного интеллекта.

чением, никем не контролируемым.

Информация.

Примерно к утру я понял, с чем имею дело. Это были технологии двойного назначения, ограниченные к обороту. Центрифуги, которые поставлялись в качестве оборудования для цементного завода, на самом деле предназначались для чего-то иного – исходный материал для цемента не является агрессивной средой, для производства цемента не нужна центрифуга со скоростью вращения около трех тысяч оборотов в минуту, и жаропрочные трубы повышенного класса точности изготовления тоже не нужны. Это было какое-то иное, не гражданское производство. От того-то и забеспокоились германцы.

Прождав в присутствии больше часа, я уже начал раздражаться, когда дверь шумно открылась, буквально пинком, и в помещение ворвался настоящий ураган...

– Захия... милая моя, это тебе.

Сидевшей в приемной молодой даме, весь вид которой наводил на недобрые мысли относительно генерала Скворца и о возможности организации «медовой ловушки» местной контрразведкой, был бесцеремонно вручен огромный букет оранжерейных цветов, которые дама с благосклонностью приняла.

– Павел Иванович на месте?

– Никак нет, задерживаются... – секретарша показала глазами на меня.

Олег Дмитриевич Пескарев, управляющий филиалом Атомстроя в Персии, повернулся ко мне на каблуках, как истинный юнкер.

– Господин посол... на ловца и зверь, как говорится. Мы вас искали... о вас такие слухи ходили... мои соболезнования.

– Пока не с чем.

– Говорили, что вас убили в перестрелке на юге.

– Слухи о моей смерти сильно преувеличены. Видимо, жить долго буду. А позвольте полюбопытствовать, кто это распускает обо мне столь нелепые домыслы?

– О, я был в Багдаде вчера и услышал, что вы серьезно ранены или даже убиты. Собственно, именно это я и хотел обсудить с Павлом Ивановичем. Но если уж вы здесь... позвольте пригласить вас в отстроенный нами город Екатеринбург на Карахчае.

– Простите?

– Екатеринбург на Карахчае. Там рядом протекает река Карахчай, но мы расположены чуть дальше. Просто удивительное место... раньше там было всего лишь соленое озеро, а теперь вырос целый город. Все-таки цивилизаторская роль России в этих местах очень велика, кто бы что ни говорил. Не так давно меня навестил князь Абашидзе, он остался от тех мест в совершеннейшем восторге.

– Простите?

– Князь Абашидзе. Генерал-губернатор Междуречья. Именно у него я вчера и гостил, просто потрясающий чело-

век. Каждого гостя он потчует вином домашней выделки, и хоть он и грузин, но всегда называет себя русским человеком. Все-таки русская нация – великая нация, если представители других наций называют себя русскими.

Вот дьявол и явился за товаром.

– Уместно ли будет, если я уеду к вам? Я жду генерала Скворца.

Пескарев подмигнул.

– Если Скворец не появился на работе до сих пор, он не появится и до обеда. Уж поверьте мне. А мне будет приятно... старый Юрьевский частенько бывал в самом русском из городов на персидской земле, а вы – ни разу.

И в самом деле – что это я...

Екатеринбург-1000, или Екатеринбург на Карахчае находится между Кумом и Тегераном, намного ближе к Куму и чуть в стороне. С его строительством Кум³, до этого один из самых больших и бедных городов Персии, заметно приподнялся: строительство и работа такого центра, как Екатеринбург-1000, стоили немало денег и требовали немалого количества персонала. Дорога до Екатеринбурга была проложена от Кума – бетонная, стоящая на опорах и не касающаяся земли. Сам город не был окружен оградой, как можно было предположить, но голову даю на отсечение, охрана тут име-

³ В нашем мире Кум – священный город, потому что там провел последние годы жизни аятолла Хомейни. В этом мире аятоллу Хомейни бросили в тюрьму и там тайно умертвили – режим не любил харизматичных противников.

лась, и периметр контролировался жестко.

Сам город состоял только из центра и промышленной зоны. Центр вполне достоин даже крупного индустриального города – жемчужиной стал был небоскреб о двадцати шести этажах. Все здания облицованы на единый манер – зеркальными блоками, отчего днем они так светятся, что больно осмотреть. Все остальное – это промышленная зона, состоящая из различных зданий одинакового белого цвета, дороги между ними заасфальтированы, между полосами – лужайки из аккуратной, высоко подстриженной зеленой травы. Она зеленая, не поддается никакому солнцу – значит, тут проложено капельное орошение, чертовски дорогая штука. Чуть в стороне от города – самый настоящий аэропорт с бетонной, трехкилометровой полосой. В отношении аэропорта Пескарев похвастался, когда мы еще ехали к городу.

– Мы его аттестовали по всем правилам ИКАО и теперь имеем право принимать международные рейсы.

– И много таких?

– Достаточно. У нас есть три собственных грузовых самолета и один пассажирский, мы вербуем людей посменно, в основном в Сибири и Центральной России, и доставляем вахтами прямо сюда, собственным самолетом и на собственный аэродром.

– Богато...

– Здесь у нас лучший заказчик. Только в прошлом году «Атомстрой» положил в казну больше девятисот милли-

онов⁴...

– И какую роль играет местное отделение?

– Огромную! Мы приносим треть от всех поступлений. Его Светлость, в каком-то смысле даже опережает нас в вопросах использования атомной энергии. Его страна богата нефтью и газом, но он поставил цель к десятому году не сжигать ни единого галлона нефти!

– А как же автомобили?

– Сделаем электро! Здесь – настоящий рай по части возобновляемых источников энергии. Вы знаете, что Его Светлость заказал нам строительство четырех атомных опреснителей на два реактора каждый?

– Нет. А почему это не прошло через посольство?

Пескарев снова улыбнулся, он вообще в этом смысле был похож на американца, те постоянно улыбаются.

– Мы имеем собственные возможности в канцелярии Его Светлости. Только не делитесь этим с фон Тибольтом, он умрет от язвы.

– Расстроится... – согласился и я.

– Германцы пользуются дешевой атомной энергией благодаря каскадам АЭС в Африке, у них дешевое исходное сырье, но технология не самая лучшая. Мы же разработали реактор, который может работать на исходном желтом кеке, без обогащения. Представляете, что это такое? Теперь мож-

⁴ За четыре тысячи рублей можно было купить недорогую машину среднего класса.

но будет торговать атомными технологиями, как и любыми другими, безо всяких дурацких ограничений, которые только мешают!

Похоже, ты этим и занимаешься...

Я не был специалистом в атомной отрасли, поэтому вежливо спросил:

– А чем хорош этот реактор?

– Тем, что исключается процесс обогащения топлива – из него только формируют стержни для активной зоны. Все боятся, что обогащенный уран будет использован для ядерных зарядов – какая глупость! Сейчас те, кто хочет иметь атомную бомбу, имеют ее. Но никогда не применяют. Потому что смысла в этом нет, атомное оружие сохраняет мир, а не разрушает его. Атомные технологии позволяют получать энергию дешевле, чем любые другие, за исключением гидротехнологий. Откровенно говоря, господин посол, мне не нравится энергетическая стратегия Империи.

– Вот как? И почему же?

– Ставка на воду. Мы понастроили гидроагрегатов повсюду, где только возможно, у нас все реки перекрыты каскадами ГЭС⁵. Но дешевая энергия развратила нас, и мы теряем технологическое лидерство в отрасли. Вообразите, князь, здесь мы строим в два раза больше атомных агрегатов, чем на севере. А ведь есть еще и солнечная энергия, и ветровая...

⁵ Потому и электроэнергия в Российской империи стоила очень дешево, а тоvary получались конкурентоспособными. ГЭС строили за счет казны.

– Насколько мне известно – все это дорого.

– Да, дорого! Но мы же платим себе, своим разработчикам, своим производителям, своему будущему!

– Возможно, вы и правы...

На территории производственного комплекса было поразительно безлюдно – люди передвигались в прозрачных переходах между корпусами, чтобы не попадать на жару. Было ощутимо свежо – видимо, из-за системы полива. Техника, сновавшая между корпусами, была какой-то странной – вроде обычной, но в то же время чем-то отличающейся. Потом я понял – она была с каким-то разукрашенным желтыми полосами топливным баком и не дымила.

– Заметили? Это электромобили.

– Похожи на обычные машины.

– Не совсем. Это и есть обычные машины, но они переделаны под электротягу. Когда они разгружаются и загружаются – тут же подзаряжаются. Мы здесь живем на электричестве, оно для нас все.

Конечно, директорский кабинет находился на верхнем этаже самого высокого здания в «даун-тауне». Выглядел он странно – часть крыши отъезжала в сторону, а кроме того – там было еще что-то типа веранды, чтобы обозревать окрестности.

Я никак не мог понять, случайно ли этот довольно молодой человек назвал фамилию Абашидзе. И если не случайно, на чем они его взяли? Он не похож ни на фанатика, ни

на экстремиста. Я, кстати, мог понять – но не оправдать! – почему на путь Черной гвардии встал Абашидзе. Хозяйствование в Палестине, а потом еще Междуречье – тут любой, сражаясь, просто осатанеет. Но этот-то?

Конечно же, мы сразу вышли на «балкон» – он казался искусственно, помимо проекта, пристроенным к строгому телу небоскреба.

– Пройдемся по цехам?

– Да нет, достаточно будет посмотреть сверху. И вы мне расскажете, что и где производится интересного...

– Как желаете... – обиженно заявил Пескарев, – тогда смотрите... Вот здесь у нас – полный цикл восстановления топливных сборок, производства такого уровня нет больше нигде. Захоронение ядерных отходов – это вчерашний день, эти отходы – золотое дно, и если кто-то говорит про желание избавиться от отработанного топлива – его надо хватать не задумываясь. Знаете, сколько выгорает ядерного топлива в стержне за время производственного цикла?

– Просветите...

– Пятнадцать процентов! Пятнадцать процентов, господин посол! Если бы не идиотские законы, запрещающие ввозить для захоронения ядерное топливо, мы обогатились бы на этом! Сейчас мы работаем только на себя.

– А как же радиация?

– Да бросьте. В опасной зоне трудятся исключительно роботы. Тут вопрос в технологиях, и не более того. Далее. Вон

там у нас – некоторые технологические линии по сборке реакторных насосов, это очень сложная технология, собственно, с нее все и начиналось, и знали бы вы, сколько сил пришлось потратить моим предшественникам, чтобы все здесь наладить.

– А как насчет обогащения?

– Чего именно?

Я улыбнулся:

– Урана.

– Да бросьте! Кто вам это сказал?

– Ну... фон Тибольт, для начала.

– От него можно много чего ожидать. Этот человек патологически завистлив. Немцы пытались влезть сюда со своими технологиями. Нам пришлось немного... ослабить удар, только поэтому был выстроен Екатеринбург-1000. Немцы вообще предлагали чуть ли не полный цикл передать. Он просто хочет нам навредить.

– Он показал документы.

– И какие же?

Вот в этом вопросе я был уже подкован – хвала Интернету.

– Насосы. Специзделия, не обычные насосы. Потом центрифуги. Специальные высокоскоростные центрифуги. Это уже не шутки.

Я ждал от него того, что он снова упомянет Абашидзе, но Пескарев просто смутился.

– Откуда у него это?

– Хороший вопрос. Я бы поинтересовался вдобавок – зачем все это здесь?

Пескарев какое-то время думал, но потом решил пустить в ход козыри:

– Генерал-губернатор Абашидзе отзывался о вас как о патриоте.

Опять это слово.

– Только поэтому я разговариваю с вами, а не передал эти документы дальше.

– Хорошо. Если... если так, то вот вам ответ. Есть определенные экспортные ограничения, понимаете?

– Нет.

– Ну... скажем, «Шкода». Вы знаете заводы «Шкода»?

– Не бывал, но слышал.

– Один из крупнейших машиностроительных концернов Европы. В принципе, с ними может сравниться только Крупп, ДЕМАГ... если не считать наших. Несколько заводов, каждый из которых, можно сказать, шагнул в двадцать первый век. Поставщики и подрядчики во всем мире, продукция от механических мясорубок до крылатых ракет высокой точности. У них есть подразделение, занимающееся энергетическим машиностроением – котлы с кипящим слоем, котлы на обедненной угольной пыли, турбины, рассчитанные на критические и сверхкритические параметры теплоносителя, – все это у них есть. Но в атомное машиностроение они не входят. И знаете, почему?

– Почему же?

– Ограничения. Проклятые ограничения, Вашингтонская конвенция о нераспространении. Она просто не дает нам жить, не дает дышать, все друг за другом следят. И знаете, почему на распространение технологий наложены такие жесткие ограничения?

– Вероятно, чтобы они не попали не в те руки.

– Верно! Но не в том смысле, какой вы в это вкладываете. Дело в том, что основные залежи урана расположены в Африке, Афганистане, Австралии – то есть в захолустье. А все технологии – у стран первого мира. Они их охраняют, чтобы не дать дешевую энергию развивающимся странам. Потому что, если к тем же бурам попадут современные атомные технологии – они будут топить свои топки не углем, они перестанут торговать желтым кеком и начнут торговать энергией, а германцы с их каскадами африканских АЭС просто разорятся!

– А в чем наш интерес?

Вопрос застал Пескарева врасплох, я это видел.

– Ну... мы заработаем деньги – это раз. Приобретем новых друзей – это два...

– А старых потеряем...

– Да бросьте! Немцы нам кто угодно, но только не друзья. Они нас боятся, а страх рождает ненависть. Они зарабатывают на нас деньги, но считают нас дикарями, которых должен колонизировать германский капитал, потому что тевтонским

мечом нас колонизировать невозможно.

Если я правильно помню цифры по сотрудничеству – еще неизвестно, кто кого колонизирует. Прошли те времена.

Пескарев подмигнул.

– Есть схема, позволяющая неплохо зарабатывать. Почему я назвал «Шкоду» – шкодовские турбины отлично поддаются конвертации. То, что можно производить – производит «Шкода», а то, что нельзя – производим здесь мы. Если все это объединить – то получится набор для постройки пяти-сотмегаваттного реактора.

Уму непостижимо. Так, возможно, и немцы, и итальянцы, и североамериканцы из-за этого и нервничают? Чисто коммерческий интерес, понятно же, что те, кто нарушает эмбарго, зарабатывают огромные деньги. Может, на нас так косо смотрят из-за нечестной игры здесь?

– Давайте пройдемся по цехам... – сказал я.

По цехам мы прошлись – ничего особенного. Обычное производство так называемого пятого передела – то, в которое впускают в белых халатах и в одноразовых бахилах.

То, что я искал, я нашел, когда мы вышли из цехов. Везде был постелен готовый зеленый ковер, орошаемый из опрыскивателей, а в одном месте его сняли, прямо как он и был, квадратом, а опрыскиватель продолжал работать, и получилось грязное месиво. В него я и вступил по неосторожности, сойдя с пешеходной дорожки, хорошо, что бахилы еще не снял. Глянул вниз – и похолодел.

Вид грязных, испачканных бахил кое-что мне напомнил. Днище «Хорьха», когда я его осматривал...

– Осторожнее... С дорожек лучше не сходить, – сказал Пескарев.

– Интересно. Я думал, что в Персии нет глин...

– Почему нет? Есть же в стране гончарные изделия, они не из привозной глины делаются. Здесь это единственное месторождение, других нет.

Естественно, штурмовать Екатеринбург-1000 что в одиночку, что с другими людьми – нашел бы, найти не вопрос – я не мог. По многим причинам. Оставалось только ждать.

30 июня 2002 года

Варшава, штаб Висленского военного округа

К счастью, а может быть, и к несчастью – гусары не читают газет. Не потому, что не умеют читать, а потому, что презирают всю эту досужую болтовню. Труп пана Ковальчека обнаружила проходящая домработница двадцать девятого утром – у нее был свой ключ, она пришла убраться в квартире и, как только открыла дверь, почувствовала неприятный, подозрительный запах. Пытаясь найти его источник, она осторожно прошла в комнату и... взвыла, как сирена автомобильной сигнализации.

Прибывшая полиция в раздувшемся и источавшем отвратительное зловоние трупе – в эти дни в Варшаве держалась жара – опознала квартиросъемщика, пана Юзефа Ковальчека, больше тут никого быть не могло. Тут же нашли и передали на экспертизу три гильзы, тело отвезли в морг, на вскрытие.

Конечно, полиция предпочла бы хранить это дело в тайне, но шила в мешке, как известно, не утаишь. У любого репортера, занимающегося криминальной хроникой, существует рация со сканером полицейской волны, однако в этот раз полиции удалось вывезти тело до того, как на место прибыли

первые журналистов, а потом они задержали на сорок восемь часов домработницу и не допустили журналистов к месту преступления. Тем самым они сделали себе хуже – в дневных газетах Варшавы появились сообщения о том, что известный диссидент пан Юзеф Ковальчек, профессор университета, арестован из-за своих политических взглядов. Таким образом полиция, сама того не желая, сильно усугубила свое положение, загнав себя в угол. Потому что уже к вечеру подкупленный репортерами сотрудник полиции сообщил, что пан Юзеф Ковальчек мертв, более того – убит. В вечерние газеты это не попало, но утренние вышли с аршинными заголовками. Естественно, в них было сказано, что пан Юзеф убит кем-то по наводке властей за то, что говорил неудобную правду, и именно поэтому власти скрывают правду о его смерти.

Полиция тем временем шла по следу – по тому самому, который и предвидел неизвестный убийца.

Днем в морге Варшавского университета было сделано вскрытие и выписано свидетельство о смерти. Причина смерти – пулевое ранение, одна из пуль повредила желудочек сердца. С такими ранениями не живут. Еще две пули прошли менее точно, одна вообще не задела никаких жизненно важных органов, еще одна повредила позвоночник. Все три пули были извлечены, отсканированы и отправлены на экспертизу. Двадцать лет назад о таком приходилось только мечтать – на трассологическую экспертизу уходило до месяца,

центрального файла не было вообще. Сейчас – пули был отсканированы специальным сканером, позволяющим строить трехмерные изображения объекта, данные были отправлены не фототелеграфом, а через спутник на центральный компьютер МВД. В нем содержалось больше четырехсот миллионов (!!!) записей с изображениями самых разных пуль, полученных при обстреле продаваемого в частные руки оружия, извлеченных из тел убитых, выпущенных при обстреле изъятого у преступников оружия. Компьютер быстро определил полученное из Варшавы, как пули калибра 9 парабеллум, выпущенные, скорее всего, из пистолета марки «Орел» производства оружейной фабрики в Радоме, в Висленском крае⁶ – там были специфические следы от выбрасывателя на гильзе, да и «Орел» этого калибра производился только малыми частными фабриками на заказ, там, в Радоме. Из четырехсот миллионов возможных вариантов разом осталась семьдесят одна тысяча – с ними компьютер и начал работать.

Тогда же, при вскрытии, была установлена примерная дата наступления смерти – вечер двадцать шестого или ночь на двадцать седьмое июня.

Тем временем служба безопасности университета (полиция не имела права входить на его территорию) провела опрос студентов и преподавательского состава, благо, были

⁶ Фабрика эта работала, но там производили только гражданское оружие. Тем не менее – личным «отечественным оружием» были вооружены польские офицеры.

летние каникулы, и на территории университета и тех, и других было немного. Выяснилось, что пана Юзефа последний раз видели как раз вечером двадцать шестого, он привел с собой высокого, светловолосого молодого человека, с которым и уехал после собрания на своем факультете. Сексуальные пристрастия пана Юзефа ни для кого не были секретом, поэтому полиция Варшавы на несколько часов взяла ложный след, отрабатывая картотеку «сахарных мальчиков»: стриптизеров, танцоров, моделей, просто завсегда-ев клубов, обслуживающих богатеньких содомитов. Среди них попадались самые разные люди, причем настоящих содомитов среди них было немного. Преобладали студенты и не слишком богатые молодые люди из провинции, которые таким образом зарабатывали себе на жизнь. Даже несмотря на то, что Варшава была космополитичным и толерантным городом – полицейские испытывали к подобным субъектам омерзение, и на отработку этого контингента посадили новичков и в чем-то провинившихся сотрудников.

Примерно в двадцать ноль-ноль вечера двадцать девятого числа аналитический центр в Санкт-Петербурге дал результат, идентифицировав пули, выпущенные в пана Юзефа Ковальчека, как пули пистолета, который был выдан в качестве табельного оружия пану Ежи Комаровскому, проходящему службу в Его Императорского Величества польском гусарском полку. Так впервые прозвучало имя графа Ежи.

В ответ на срочный запрос в военное министерство после-

довал ответ, что любая информация из личного дела офицера может быть выдана лишь по вхождению начальника полиции на имя командира полка, а выдача информации об офицерах лейб-гвардии возможна только по визе военного министра или товарища военного министра. Ни того, ни другого в столь поздний час на месте нет, и беспокоить их по такому поводу дежурный офицер не собирался.

Но, помимо официальных, есть и неофициальные источники информации.

Предположив, что пан Ежи является «сахарным мальчиком» или стал им в Петербурге, полиция Варшавы запросила у своих Санкт-петербургских коллег досье на него. Досье пришло достаточно быстро и стало для варшавских полицейянтов сюрпризом. Пан граф не только не был содомитом, но и был отправлен в отпуск из-за скандальной связи с замужней дамой. Кто-кто, а содомиты так не поступают.

Что же касается внешности графа Комаровского, то она совпадала: высокий блондин. Для более точной идентификации в Санкт-Петербург направили фоторобот, составленный по описаниям коллег и студентов покойного пана Ковальчека, и попросили провести опознание по фотороботу, наведавшись в полк.

Только в этот момент один из полицейянтов вспомнил, что Висленским военным округом командует генерал Тадеуш Комаровский. Короткая проверка позволила установить, что пан Ежи – его родной сын. Дело принимало настолько

серьезный оборот, что о нем необходимо было доложить царю. Под ночь Его Величество решили не беспокоить, но с утра необходима была приватная аудиенция.

Пытаясь понять, что могло произойти на квартире у пана Ковальчека, полицейские решили, что, видимо, пан Ковальчек стал приставать к молодому человеку, согласившемуся посетить его, а молодой человек не принял эти приставания, ну и убил содомита. Оставался вопрос – зачем он вообще пошел к содомиту. Не знал, что тот – содомит? Возможно, но маловероятно, пан Юзеф особо не скрывался и даже числился в картотеке неблагонадежных с позорным шифром ПП⁷. Может быть, графу понадобилось от профессора что-то еще?..

Тем временем поступили результаты еще одной экстренной экспертизы, она делалась при помощи какой-то военной лазерной установки, позволяющей мгновенно определять присутствие любых химических веществ, в том числе сложносоставных, в крови, в мазках с кожи и с других мест. В момент смерти профессор Ковальчек находился в состоянии наркотического опьянения. Были обнаружены следы кокаина по всему лицу, как будто он размазывал его по щекам, или чихнул, и кокаин рассыпался. Еще одна экспертиза, которая должна была ответить на вопрос, имел ли пан профессор половые сношения перед смертью, готова не была.

Примерно в два ночи – а дело было литературным, и след-

⁷ Педераст пассивный.

ственная бригада работала по нему круглые сутки, спали тут же, в дежурке министерства, на неудобном, пропахшем потом и гуталином топчане – из Санкт-Петербурга пришло еще одно сообщение. Полиция Санкт-Петербурга по запросу варшавской полиции инициировала срочную проверку хранения оружия в Польском Его Императорского Величества, лейб-гвардии гусарском полку. Когда армейские контрразведчики, совместно с поднятым посреди ночи каптенармусом, вскрыли оружейную комнату, то выяснили, что вместо пистолета, который пан граф должен был сдать, убывая в отпуск, на месте только карточка-заместитель с его подписью в получении оружия. Это была, как минимум, халатность, но разбираться с этим должны были уже военные.

В восемь часов утра полицеймейстер Варшавы истребовал срочную аудиенцию у царя, поставив перед ним вопрос о превентивном задержании молодого графа Ежи Комаровского по подозрению в убийстве. Константин колебался в решении, и колебался долго, он понимал, что отдать приказ о превентивном задержании своего подданного он может, а вот офицера лейб-гвардии – уже нет, для этого нужна санкция военного прокурора, причем по месту службы, то есть в Санкт-Петербурге. А военный прокурор, учитывая обстоятельства, вполне может вызвать графа в Санкт-Петербург и взять его под стражу уже там, или даже передать на поруки офицеров полка – то есть вынудив сидеть в казарме и не выходить из нее. Царь перед аудиенцией прочитал утренние га-

зеты – и знал о том, что в городе УЖЕ неспокойно, по городу УЖЕ поползли слухи. Поляки вообще беспокойный, бунтарски настроенный народ. И поэтому царь Константин дал согласие на задержание пана Ежи Комаровского и водворение его в дом предварительного заключения, хотя не имел на это никакого права.

Еще через час санкцию на арест – тоже не имея формального права санкционировать задержание военного, да еще и дворянина, – дал прокурор Варшавы.

Группу, которая выехала из варшавского полицейского управления на набережную, возглавлял старший инспектор полиции⁸ Бронислав Гмежек, старый и опытный полицейский волк, проходивший практику в считавшейся лучшей в Империи московской сыскной полиции. Во время практики – тех, кому это удавалось, можно было пересчитать по пальцам рук, – он был отмечен медалью «За усердие»⁹. Тогда трое медвежатников «запороли медведя» – выпотрошили сейф в «Русско-Азиатском», разжившись чуть ли не полумиллионом рубчиков, а потом, когда поняли, что полиция у них на хвосте, бросились врассыпную. Чеха – вора в законе, действительно чеха по национальности – Гмежек, тогда еще простой исправник, гнал по всей Москве больше трех

⁸ В Польше, в отличие от всей другой страны, была несколько другая полицейская система, и полицейские именовались инспекторами, а не урядниками и исправниками.

⁹ Наиболее распространенная гражданская медаль империи представляла собой профиль царствующего монарха с надписью «За усердие».

километров, не дал ни скрыться, ни взять заложников – и все же настиг, обезвредил, вырвал из рук уже казавшейся потерянной добычу. За то и наградили... а потом с повышением отравили обратно, в родную Варшаву, поднимать уровень местной полиции. Варшавский криминалитет дал старшему инспектору Гмежеку кличку «Чума», и кличка эта была заслужена инспектором на сто один процент.

Сейчас, старший инспектор Гмежек, пробираясь в составе отряда полицейских на двух «Варшавах»¹⁰ через пробки на Мокотуве, неизбежные в это время дня, не прекращал думать об этом деле. Дело для многих членов следственной группы было ясным, для многих, но не для пана Гмежека.

В Московской сыскной полиции его учили: мотив – половина раскрытия. Правильно определил мотив – круг подозреваемых сразу сужается, и просчитать, кто мог совершить это преступление, можно в два счета. Промахнулся с мотивом – сразу пошел не в ту сторону, раскрытие может быть чисто случайным. А вот сейчас – у них был верный подозреваемый, все сходилось: описание внешности, оружие – все, кроме мотива.

В принципе, мотивов могло быть два: личная неприязнь по каким-либо причинам или приказ это сделать. Личная неприязнь – вполне могла быть, но что-то тут не сходилось. Получалось так: сначала этот пан Ежи вместе с Ковальчком пришел в университет, где их все видели, потом он с ним

¹⁰ Марка автомобиля.

же ушел. Если предположить, что молодой пан Комаровский содомит – то зачем он застрелил Ковальчека, а не вступил с ним в половую связь? Поссорились? Может быть, но возникает вопрос, почему поссорились, что было причиной. Как вообще они познакомились? Когда? Были ли у них интимные отношения? Если да – то почему никто не знает об этом, почему в университете их видели вместе впервые? Если пан Комаровский скрывал свои сексуальные предпочтения – надо сказать, что это могло быть, признание человека содомитом в Российской империи является основанием для изгнания из армии, тем более из лейб-гвардии, с позором – остается вопрос, почему именно в этот день, перед смертью Ковальчека он счел нужным появиться вместе с ним на публике? Если они длительное время состояли в противоестественной связи – почему граф решил показаться с ним на людях именно перед тем, как застрелить, ведь если бы не та ниточка из университета, никто бы и не подумал на него. Почему он взял с собой оружие, отправляясь на квартиру Ковальчека? А как быть с информацией из Санкт-Петербурга, что молодой граф большой любитель женщин и даже отправлен в отпуск из-за скандала с женщиной?

Табельное оружие – еще одна ниточка, и не ниточка даже, а канат – вообще никуда не лезет, любой офицер знает, что пистолет, который ему выдали и закрепили за ним – отстрелян, и данные о нем внесены в электронную пулегильзотеку. Если он хотел убить Ковальчека – зачем он взял с собой

именно табельное оружие? Инспектор Гмежек знал в Варшаве по меньшей мере два десятка мест, где можно купить оружие нелегально. Не может быть, чтобы пан Комаровский не мог найти хотя бы одно такое место и обзавестись там краденным стволом. Если даже это невозможно – у молодого пана Комаровского наверняка есть фамильное поместье, там находится оружие, которое собирали его предки, старое, но не может быть, чтобы там не нашлось хотя бы одного пистолета или револьвера тридцатых – семидесятых годов с патронами и в хорошем состоянии, то оружие не отстреливалось, и данных о нем не было ни в одной картотеке. Наконец, не может быть, чтобы он по должности не имел доступа к трофейному и конфискованному оружию. Почему применил именно табельное оружие?

Хорошо. Если предположить другое – пан Комаровский хладнокровно убил содомита и диссидента Ковальчека, потому что исполнял приказ. Чей-то приказ. Он пришел в университет, чтобы втереться в доверие к Ковальчеку. Возможно, тот, кто отдал этот приказ, знал, что Ковальчек содомит, и отправил на задание именно Комаровского, рассчитывая, что пан Ковальчек заинтересуется стройным офицером лейб-гвардии и затащит его в постель. Комаровский втерся в доверие к Ковальчеку, сделал вид, что согласен предаться с ним содомскому греху, поехал к нему домой, там достал пистолет и трижды выстрелил в него.

Версия, что Комаровский ликвидировал Ковальчека, вы-

полняя чей-то приказ, была более правдоподобной, но вопросы возникали и здесь.

Первое – опять-таки оружие. Предположим, что кто-то в Санкт-Петербурге приговорил Ковальчека к смерти за подрывную деятельность, посчитав его опасным для государства. Исполнить приговор поручили Комаровскому, возможно, он сам состоит в каком-нибудь тайном обществе, возможно (хотя маловероятно, слишком заметный персонаж), что он только числится в лейб-гвардейском полку, а на самом деле является исполнителем в одной из спецслужб. Он сделал «под козырек» и исполнил приказ.

Главное несовпадение – это оружие. Оружие – это вообще несовпадение настолько вопиющее, что его наличие наталкивает на мысль, будто кто-то хочет подставить Комаровского под это убийство. Если бы Комаровскому приказали ликвидировать Ковальчека – его ни за что не послали бы на дело с табельным оружием, ему выдали бы «стерильное», не проходившее ни по одному делу, ни по одной картотеке, и со строгим наказом после использования выбросить его в Вислу. Да он и сам бы не взял табельное оружие – на такие дела случайные люди не ходят, ликвидациями занимаются профессионалы, а ни один профессионал так дешево не подставится, взяв на акцию свое табельное оружие.

Второе несовпадение – сам способ ликвидации. Почему Комаровский оказался на людях с Ковальчеком, убийца – вместе с жертвой. Чтобы их запомнили и дали показания?

Что мешало тому же Комаровскому – если ему приказали убить Ковальчека – дожждаться профессора во дворе, выстрелить в него и уносить ноги? Почему выбрали именно такой способ убийства – с помощью огнестрельного оружия, почему нельзя было имитировать автомобильную катастрофу, устроить отравление несвежей пищей или что-то в этом роде?

Как к этому привязать избиение? И наркотики?

Впереди засигналили, автомобильный поток совсем встал, сирена уже не помогала. Сидящий за рулем младший инспектор Бернацкий выругался последними словами и сам начал колотить по клаксону, издававшего резкие, отвратительные звуки, от которых начинала болеть голова.

Старший инспектор Гмежек снова открыл дело – оно не было подшито и представляло собой папку, полную самых разных распечаток с компьютера. Это раньше результаты экспертизы посылали спецкурьером – сейчас все по электронной почте приходит, на месте с протоколом отправки распечатывается – и считается надлежаще оформленным. Если требуется допросить свидетеля в другой местности – результаты допроса высылаются тамошним полицейским управлением тоже по электронной почте, а не курьером. Существует специальная полицейская поисковая система, куда вносятся краткие описания всех совершенных преступлений, если ищешь *modus operandi*¹¹ – достаточно сделать за-

¹¹ Способ действий, то есть аналогичные совершенные преступления.

прос в систему и максимум через час ты получишь информацию обо всех подобных преступлениях, совершенных на территории империи. Установить человека по базе данных, «пробить» отпечатки пальцев – нет проблем, у каждого полицейского инспектора сыскного отдела и в каждой дежурной части стоит сканер отпечатков пальцев, приложишь его ладонь – и через какое-то время система даст тебе полные данные на этого человека. Когда старший инспектор только начинал, ничего этого не было, фототелеграф, сыскное чутье, словно у собаки, да ручная картотека. Сейчас ни фототелеграфа, ни ручных картотек уже не осталось, а вот сыскное чутье, нюх на преступника – нужен как никогда¹².

И сейчас этот нюх подсказывал старшему инспектору, что они взяли не тот след.

Три пули. Очень непрофессионально, но старший инспектор обратил внимание, что один из выстрелов, очень точный, прямо в сердце, а вот другие – менее точные. Это, кстати, большая редкость, прямое попадание в сердце, обычно пуля застревает рядом, и жертва умирает от кровотечения или от кавитационной полости, образуемой пулей. Сердце человека находится немного правее, чем думает большинство людей, а вот тут попадание было исключительно точным.

Но какая пуля попала настолько точно? Первая? Вторая? Третья? Старший инспектор достал карандаш и записал в

¹² Для справки: численность МВД РИ вместе с дорожной полицией составляла примерно миллион человек. Это на миллиард жителей!

блокноте – поставить перед экспертами дополнительные вопросы. Пусть попытаются выяснить, в каком порядке пули попали в жертву, сделают трехмерную модель с указанием траектории пуль – для наглядности. Будет интересно хотя бы попытаться понять: пуля в сердце – это удача дилетанта или хладнокровный выстрел профессионала?

Теперь избиение. Избили знатно – трещина в ребре, многочисленные гематомы на лице и теле, повреждение половых органов в результате сильного удара ногой, выбиты четыре зуба полностью и повреждены еще пять – мечта стоматолога. А вот и еще одна экспертиза... когда они проводили обыск, то обнаружили в ванной следы крови, просыпанный белый порошок, пакет с теми же следами белого порошка, довольно большой. Все это отправили на экспертизу. Ответ поступил утром, буквально перед самым выездом оперативной группы. Белый порошок, соскобы и образцы которого были взяты с пола, с обода биде, с пакета, с небольшого серебряного подноса, с рваной купюры в тысячу злотых – все это не что иное, как наркотическое вещество кокаин высокой степени очистки, смешанный с сахарной пудрой. Кровь на биде, на полу принадлежит покойному профессору Ковальчеку. Ни одного образца крови или иного биологического материала, принадлежащего другому лицу, а соскобов и мазков они сделали немало, на экспертизу не представлено.

Старший инспектор попытался прикинуть, сколько кокаина мог вмещать тот рваный пакет, который они нашли на

полу ванной. Кокаин считался особо опасным наркотиком, для привлечения к уголовной ответственности достаточно было иметь при себе тысячную долю грамма в переводе на чистый наркотик. Того, что осталось на стенках пакета, в принципе, уже хватало для возбуждения уголовного дела по признакам преступления «Сбережение, торговля, передача, перевозка наркотических средств и препаратов»¹³. А в пакете должно было находиться не меньше килограмма, такое количество наркотика не могло быть у простого движка¹⁴, даже состоятельного. Значит, профессор был не только диссидентом и содомитом, но еще и наркораспространителем. Это еще сильнее подрывало версию о том, что Комаровский убил Ковальчека по приказу. С ним можно было разобраться и другим способом – сообщить в полицию, что он наркоман и наркоторговец, полиция произвела бы обыск и нашла бы пакет с кокаином. За килограмм кокаина профессор получил бы двадцать лет даже у самого мягкосердечного судьи.

Примерно прикинув ситуацию и оценив собранные улики, старший инспектор понял, что произошло. Комаровский сильно избил Ковальчека и спустил в биде его кокаин. Значит, он хотел тем самым наказать Ковальчека. Но за что?

Исходя из этого начала рождаться третья версия. Кома-

¹³ Состав «изготовление» в РИ был выделен в отдельный вид преступления и наказывался пожизненным заключением, вне зависимости от количества произведенного или синтезированного наркотика.

¹⁴ Движок – наркоман.

ровский не хотел убивать Ковальчека, он хотел его наказать за что-то или припугнуть. А возможно – и то, и другое вместе. Поэтому он и взял с собой пистолет, свой, табельный, он не собирался из него стрелять – только угрожать им. Почему-то он решил выбрать именно такую тактику поведения – не подкараулить профессора во дворе или в подъезде, а втереться к нему в доверие и добиться того, чтобы тот пригласил его домой. Поэтому он пошел с ним в университет, поэтому он показался с ним на людях – он не опасался этого, поскольку не думал, что его будут разыскивать за убийство, он не собирался его убивать. А подавать жалобу на побои и телесные повреждения...

Йезус-мария...

Да он же знал! Идя в квартиру профессора Ковальчека, граф Комаровский знал, что найдет там кокаин! Он знал, что Ковальчек – наркоторговец, и он не станет подавать жалобу в полицию. Ну конечно же! Придя с ним в квартиру, он начал его избивать, возможно, сам нашел наркотик, возможно, заставил профессора показать тайник! После этого граф порвал пакет и высыпал наркотик в биде, а потом ткнул туда лицом профессора. Так вот почему на лице покойного обнаружен кокаин – его ткнули лицом туда, куда перед этим высыпали наркотик. Поэтому наркотик есть и на полу, и на ободке биде – небольшая часть просыпалась, а остальная – просто смыта в канализацию!

Получается, что Ковальчек каким-то образом перешел до-

рогу молодому графу Комаровскому, и тот решил не обращаться в полицию, а отомстить самостоятельно. Конечно же, ни один шляхтич не пойдет в полицию, если он оскорблен, они чувствуют себя выше этого. И, скорее всего...

Скорее всего, эта месть как-то связана с наркотиками! Точно! Потому-то граф и знал, что он найдет в квартире наркотики – он знал, что Ковальчек ими торгует! Возможно, он сделал вид, что ему нужны наркотики, и пан профессор на это купился, рассчитывая обменять дозу кокаина на ночь телесных утех. Бедняга профессор, он-то рассчитывал... и вот что получил в итоге, весь его кокаин в канализации, разбитая морда, отбитые яйца и выбитые зубы. Нечего сказать – достойное наказание для наркоторговца!

Получается, что граф Комаровский мстил. Явно за близкого человека, несложно будет узнать, за кого – нужно только опросить знакомых, и сразу все станет понятно. Опросить отца как свидетеля, не может быть, чтобы не знал. Ковальчек посадил либо друга Ежи Комаровского, либо его женщину, что более вероятно, на кокаин – и вот так за это расплатился.

Получается простое убийство, со смягчающими вину обстоятельствами – первая судимость, отличные характеристики с места службы, мотивом убийства стали противоправные действия самого потерпевшего. Учитывая, как Государь относится к наркоторговцам – граф Комаровский определенно при любом приговоре может рассчитывать на помилование. Тем более – он офицер лейб-гвардии. Помиловали же тех ка-

заков, которые самочинно, не дожидаясь прибытия полиции, повесили на ближайшем суку наркоторговца, предлагавшего казачатам дурь.

Помилуют и этого.

Непонятно только, что произошло потом. Граф Комаровский избил профессора в ванной комнате, высыпал в унитаз весь его кокаин. Скорее всего, предупредил, что вернется, если узнает, что тот снова торгует кокаином, или вообще предложил профессору покинуть Варшаву, для большей убедительности тыча ему в лицо пистолетом...

Что дальше? Они выходят в комнату, оба... зачем? Продолжить разговор? О чем? Возможно, граф потребовал сообщить, откуда пан Ковальчек берет наркотик. Даже скорее всего потребовал. Значит, при допросе надо задать и этот вопрос. Если светлейший пан граф соизволит сотрудничать со следствием, и если Ковальчек сказал ему, откуда он берет наркотик – есть шанс помимо убийцы задержать еще и крупного оптового наркоторговца, а возможно, и целую банду наркоторговцев. Тут и повышение по службе светит, и еще одна медаль «За усердие». Быстро раскрыли резонансное убийство – да вдобавок еще и торговлю наркотиками пресекли, разоблачили банду наркоторговцев. Сам Ковальчек явно в университете продавал... детей совсем еще вовлекал, мразь поганая.

Все более и более старший инспектор Гмежек проникался симпатией к графу Ежи Комаровскому, которого еще в

глаза не видел. Как и любой полицейский – старший инспектор ненавидел наркоторговцев, в душе считал, что те казаки поступили правильно. С этим злом не справиться обычными методами, слишком велики ставки в игре. Только смертная казнь всех причастных остановит наркопреступность... зря тогда ее отменили. Нужно просто с самого начала дать понять графу, что он понимает мотивы, толкнувшие его на преступление, и даже сочувствует ему. А потом и задать вопрос... пояснив, что если он поможет раскрыть сеть наркоторговли, то суд, безусловно, зачтет ему это...

А этот Ковальчек... правильно его грохнули, заслужил. Он наверняка и студентов совращал, предлагая марафет за ночь содомской любви. Как таких только земля носит?!

Но что же произошло в комнате?

Ковальчек оскорбил Комаровского, и тот, потеряв самообладание, выхватил пистолет и открыл огонь? А потом, испугавшись того, что сделал, сбежал?

Может быть. Но неужели профессор, уже избитый и лишившийся своего запаса кокаина, решился на то, чтобы угрожать? Или оскорблять? Будь граф Комаровский простым представителем польской шляхты – старший инспектор сразу поверил бы в произошедшее, шляхтичи в ответ на некоторые слова относительно их самих и их рода вспыхивают, как порох, хватают что под руку попало, и ... Сам старший инспектор не раз занимался такими случаями, все они были несложными, убийца или каялся, мол, что я натворил,

или, наоборот, вел себя с вызовом – да, это я убил! Нехай не говорит то, что не положено!

Но ведь граф Комаровский служит в лейб-гвардии, допущен к Его Императорскому Величеству. Невротика, психопата – к Государю не подпустят.

Может быть, Ковальчек попытался чем-то угрожать Комаровскому и тот, услышав эти угрозы, решил расправиться с ним? Но чем он угрожал? Что будет и дальше продавать наркотики? Не повод для убийства, в таком случае граф, скорее всего, просто избил бы его еще раз. Не вяжется, постоянно видятся два разных *modus operandi* – избиение, разборка на нервах, и в то же время хладнокровное убийство из пистолета. Если граф Комаровский сразу решил бы на убийство – вряд ли он пошел бы в квартиру Ковальчека.

Может быть, пана Ковальчека избил кто-то еще? Но ведь он уходил из университета с Комаровским. Где его избили? Только в доме, тем более что следы обнаружены там. А граф что в это время делал – стоял и смотрел на избиение? Держал Ковальчека под прицелом пистолета? Не проще ли сразу убить?

Как все-таки интересно было бы посмотреть на результаты экспертизы, какой выстрел был смертельным, первый второй или третий...

Устав колотить по клаксону, водитель повернулся ...
– Пан старший инспектор, мы тут не проберемся. Застрали.

– Что там, Войцех?

– А бес его знает. Рокош какой-то.

Пан Гмежек взглянул на часы, потом вышел из машины, осмотрелся по сторонам. Некоторые водители уже покидали машины, запирая их и оставляя без движения в пробке, а это значит, что улица встала на несколько часов, как минимум. Просто удивительно – как легко люди идут на рокош и как сложно в то же время заставить их выполнять хотя бы какие-то минимальные правила человеческого общежития. Пара вот таких дураков бросила машины посреди дороги, потом еще, потом встала улица, а потом, учитывая, что транспорта в Варшаве больше, чем улиц, – встал весь центр. Вот тебе и транспортный коллапс на ровном месте. А еще находятся идиоты, которые хают русского царя, что мост Варшаве подарил – архитектурный облик нарушает.

Но делать нечего – они тоже не могут стоять в пробке несколько часов, у них есть работа.

– Войцех, ты и Вацлав остаетесь здесь, – решил пан старший инспектор, – около машин. На всякий случай в багажниках есть ружья, но не злоупотребляйте. Если будет возможность – отгоните машины на обочину. Остальные – за мной!

Рокош и впрямь был знатный – дорогу уже перекрыли. Человек двести, с плакатами, с транспарантами – «Вбийцы!» «Ироды!» «Прочь!» – перекрыли набережную, проходимость которой для машин имела для центра Варшавы стратегическое значение... и, похоже, не они одни. Неболь-

шой отряд полиции пытался как-то сдерживать митингующих, но по глазам коллег пан Гмежек видел, что большинство полицейских ничего не будет делать, превратись рокош в погром или в бунт, а некоторые – не прочь и сами присоединиться к митингующим. Несколько метров и жидкая цепочка полицейских отделяли их от не менее жидкой, но вооруженной, в касках и щитах – видимо, в здании штаба округа специально для таких случаев хранили – цепочки казаков из охранной роты. В отличие от полицейантов, которые (за исключением жандармерии и некоторых частей дорожной стражи) не имели права носить автоматическое оружие, обходясь крупнокалиберными полуавтоматическими дробовиками, – у каждого из казаков на боку висел короткий, курносый «АКС-76У».

Пан Гмежек, привычно прикрывшись руками, врубился в толпу, следом, сдвинув ряды, шли еще четверо полицейских, их пинали, толкали, толпа улюлюкала, но ничего серьезного не предпринимали, нападение на полицейского – это повод применить оружие. Пан Гмежек не раз видел подобные рокоши, в отличие от больших мятежей они случались часто, и по поводам, которые в Центральной России не сочли бы даже заслуживающими внимания. Там даже из-за футбола не принято было бесчинствовать на улицах, все знали, что полиции на футбол наплевать, и дубинкой по хребту с пятнадцатью сутками арестного дома (и тяжелой работой) не обделят никого, а тут... последний раз такое случилось из-

за какой-то передачи, когда толпа моментально собравшихся молодчиков, в основном студентов университета, пошла на штурм радиотелецентра Варшавы, а когда охрана угостила их дубинками и резиновой картечью – начался рокош. Здесь, в принципе, было то же самое, но что-то подсказывало пану Гмежеку, что в этот раз добром не кончится.

Протолкавшись через толпу – пиджак можно было выбрасывать, – пан Гмежек предъявил полицейскому, командующему кордоном, свое служебное удостоверение, они прошли за первую линию оцепления. Впереди была вторая – даже толпа замерла, видя, как полицейские идут через ничейную, заплеванную и загаженную землю, а навстречу им выходит молодой бородатый казак, на ходу перекидывая поудобнее щит.

– Чего надо, паны? Нельзя сюда!

Казак выглядел решительно, и то, что перед ним полицейские – его ничуть не смущало. Сегодня полицейские, а завтра... Каждый поляк – прежде всего поляк, это опыт, полученный кровью. Кому рокоши эти надоели – давно отсюда уехали, на тот же Восток, благо Россия большая и устроиться можно везде.

– Сыскная полиция Варшавы, отдел убийств. Старший инспектор Гмежек ... – Карман был порван, но удостоверение старший инспектор, как все полицейские, давно носил на тонкой стальной цепочке, поскольку за утерю удостоверения полагался строгий выговор с занесением. – Мы должны

пройти в здание штаба.

– Документы есть какие?

Ордера на арест у старшего инспектора не было, он имел право произвести арест «чрезвычайный» с обязательным уведомлением прокурора Варшавы в двадцать четыре часа с момента ареста и с препровождением арестованного к уголовному судье – в семьдесят два часа. Это он и рассчитывал сделать в случае необходимости. Но казаку все эти тонкости уголовного права были до одного места.

– Я вам показал удостоверение, пан казак. Извольте пропустить нас.

– Никак нет, пан... – скучным тоном произнес казак, – у меня приказ от дежурного офицера не пускать никого без пропуска. А у вас его нет. Шли бы вы лучше отсюда, паны... пока недоброе не затеялось...

– Вызовите дежурного офицера.

Немного поразмыслив, казак решил, что это законное и справедливое требование. Его дело и впрямь – маленькое, стоять и не пушать. Дежурный офицер пусть и разбирается с этими мутными панами.

– Стойте здесь, паны... – казак пошел обратно.

Тут выругался один из полицейских, выругался последними словами. Пан Гмежек повернулся – и увидел, что тот снимает свой пиджак... а на спине было ярко-алое, быстро сохнущее пятно... и остатки презерватива.

– Песьи дети, пся крев!

Полицейский погрозил толпе кулаком, и она разразилась хохотом. Вот такая вот работа у полиции Варшавы – свои среди чужих, чужие среди своих, меж двух огней. А иногда – между молотом и наковальней.

Появился дежурный офицер, чуть бледный с лица, без бронежилета и каски, но с таким же «АКС-76У» и разгрузочным жилетом, набитым магазинами и накинутым поверх форменной рубашки повседневной формы. Каким-то сюрсом на его лице смотрелись очки в тонкой золотой оправе. Идти к полицейским он не решился – остановился у линии казаков, махнул им рукой оттуда. В толпе засвистели, снова полетели презервативы – с мочой, с дерьмом, с краской – и казаки подняли щиты, чтобы защититься от этой мерзости.

– Пан дежурный офицер... – начал старший инспектор Гмежек, но дежурный офицер бесцеремонно перебил его:

– Майор Рышард Пшевоньский, дежурный офицер по штабу округа. Извольте сообщить, какое у вас дело в штабе?

– Мы должны допросить одного из находящихся там людей, пан офицер.

– Кого конкретно? Это не может подождать до завтра, вы же видите, что творится?

– Не может, пан офицер. Совершено убийство, и мы должны вести следствие.

– Кого конкретно вы хотите допросить?

– Некого пана Ежи Комаровского. Он в здании?

Лицо майора Пшевоньского исказилось от удивления.

– Вы с ума сошли?

– Вы не ответили на мой вопрос, пан майор, – решил надавить Гмежек, – этот человек находится в здании?

– Я не имею права сообщать вам о том, кто находится в здании, тем более при таких обстоятельствах. И вы не имеете права проводить какие-либо следственные действия, это компетенция военной контрразведки.

– Это гражданское дело, совершено убийство гражданского лица. Здесь нет никакой военной компетенции.

– У вас есть какие-либо документы?

– Пан майор, чтобы побеседовать с человеком, полицейскому не нужны какие-либо документы. Это наше право – опросить пана Комаровского по поводу произошедших событий.

Майор какое-то время мялся, не зная, что предпринять.

– Я вынужден получить санкцию командующего. Прошу оставаться здесь.

На сей раз их пропустили за цепь казаков, двое казаков встали рядом с ними – охранять. Майор, смешно вскидывая ноги, побежал к дверям здания штаба, придерживая бьющий по боку автомат.

– Не пустят... – сказал кто-то из полицейянтов, – Комаровский его отец.

Гмежек промолчал. По крайней мере казаки теперь защищали их от толпы.

Майор Пшевоньский вернулся минут через десять, вид

его был растерянным.

– Пан генерал примет вас. Кто из вас старший?

– Я, старший инспектор Гмежек.

– Вы пройдете в здание. Остальным придется подождать здесь.

Инспектор усмехнулся:

– Пан майор, вам не кажется такое решение несколько... рискованным.

Пан майор задумался.

– Вероятно, да. Тогда остальные – подождут в помещении караульного взвода.

– Другое дело...

В здании было темно, освещение не работало, только аварийное, на дизель-генераторе. По опыту предыдущих рокошей – здание готовили к обороне, возможно, даже к боям внутри здания. Все окна первого этажа забраны решетками, и не внешними, а внутренними, да еще и закрывались накладными ставнями из стали, которые вешались прямо на решетки. Внизу строили баррикаду – несколько офицеров штаба откуда-то выносили и крепили один к другому бронешиты, такие тяжелые, что каждую секцию приходилось тащить вдвоем. Все эти щиты скрепляли между собой через специальные замки и пазы, а крайние – крепили к стенам через специальные пазы в самой стене, в кирпичной кладке. Часовые теперь стояли не перед дверьми, а за ними, и вместо парадных «федоровок» с начищенными до блеска, свер-

кающими на солнце штыками – у них были автоматы «АК» и бронежилеты. На площадке между первым и вторыми этажом двое казаков сидели около уже установленного станкового пулемета. Дверь запиралась теперь на массивный засов, внутрь пускали только после того, как ты просовывал пропуск в специальную щель, закрываемую заслонкой. Для того, чтобы взять такую крепость, учитывая еще, что стены были построены на старом манер, в три кирпича толщины, – понадобились бы значительные силы с хорошим вооружением, в том числе с гранатометами и огнеметами.

Их пустили внутрь без обыска, провели в находившуюся по правую руку караулку. Там было пусто, не звонили телефоны, и только один из офицеров сидел в углу на стуле, положив на колени автомат, и спал.

– Квятковский!

– А... Господин майор! – Офицер безуспешно сделал вид, что не спал.

– Это паны полициянты... – объяснил майор Пшевоньский, – они остаются здесь, по зданию шляться не должны. Свари себе кофе... и им, что ли, тоже...

– Нам бы еще умыться... – мрачно проронил один из полициянтов, в которого попал презерватив, наполненный мочой.

– Ретирада, вода, мыло – вон за той дверью. Прошу. А вы, пан...

– Гмежек.

– Пан Гмежек – прошу за мной.

* * *

Документы проверяли на каждом этаже, проверяли даже у майора Пшевовьского – порядок есть порядок. По коридорам почти не ходили, людей было мало, кто попадался – все с автоматическим оружием, многие в бронежилетах. Сверху, прямо по лестничным маршам, тянули какой-то толстый кабель. Третий этаж перекрывали баррикадами, на этот раз из мебели, четвертый, судя по всему, тоже...

Генерал Тадеуш Комаровский оказался высоким, сухим, прямым, как палка, стариком, до сих пор предпочитающим старого фасона, темно-зеленого цвета мундир со всеми регалиями. Серый от бессонной ночи, он сидел в своем кабинете, охраняемом двумя казаками с автоматами, еще один автомат с подсумком магазинов был брошен на ряд стульев у стены, которая была обклеена картой округа в масштабе 1:1000. Он просто сидел и смотрел куда-то вдаль, в окно, он даже не пытался командовать – да пока командовать и не было необходимости – судя по кипевшей в штабе деятельности, каждый знал, что он должен делать.

– Пан генерал...

– Вы свободны, пан майор, – прервал доклад генерал.

Щелкнув каблуками, майор вышел из кабинета, аккуратно затворив за собой дверь...

А генерал продолжал смотреть в окно. И пан Гмежек, хоть он недолюбливал и армию, и Комаровского – не знал, куда ему деваться.

– Вы пришли за моим сыном? – прервал молчание генерал.

– Старший инспектор полиции Гмежек, сыскная полиция Варшавы, отдел убийств. Да, пан генерал, я пришел побеседовать с вашим сыном.

Генерал снова какое-то время молчал, глядя в окно.

– Что он натворил? – наконец спросил он.

– Не далее как три дня назад...

– Что он натворил, пан полицейский?

Гмежек решил говорить правду, хотя и не должен был. Просто – чувствовал, что так надо.

– Мы считаем, что он причастен к убийству. Возможно, причастен – мы не можем сказать этого точно.

– Вот как? Из-за этого начинается рокош?

– Возможно, да, – осторожно ответил пан Гмежек.

– Интересно... И кем же был убитый, что из-за него выходят на улицы?

– Пан Ковальчек, профессор Варшавского университета, из эмигрантов... – полицейский замялся.

– Говорите, говорите, пан полицейский...

– К тому же – диссидент и содомит.

– Диссидент и содомит, – медленно, будто пробуя эти слова на вкус, произнес их генерал, – достойный подданный Его

Величества, ничего не могу сказать. Он имел какое-то отношение к наркотикам?

Пан Гмежек снова не стал лгать.

– Да. Наркотики обнаружены и в его крови, и на квартире рассыпанными. Судя по всему, он был не только потребителем наркотиков, но и наркоторговцем.

Генерал внезапно поднял руки и закрыл ими лицо, будто плача, но все это происходило в абсолютной тишине. Так он просидел какое-то время – старший инспектор боялся даже слово сказать, потом вдруг повернулся в кресле. Гмежек увидел глаза генерала – больные, красные от недосыпа, какие-то обреченные, будто у загнанного зверя.

– Я предупреждал... что добром не кончится... – надтреснутым голосом произнес он.

– О чем вы, пан генерал? – спросил полицейский.

– О своем сыне, пан полицейский. О своем сыне. Он сам вам расскажет, я не имею права говорить о чужих секретах. У вас есть дети, пан полицейский?

– Да, есть, пан генерал. Двое. Сын и дочь. Сын в этом году заканчивает гимназию.

Пан Гмежек не стал упоминать, что дети живут с женой. Бывшей. Как и бо#льшая часть полицейских, пан Гмежек был в разводе, мало какая семья выдерживала испытание работой полицейского. Тем более – семья старшего инспектора убойного отдела, которого могли выдернуть на происшествие в любое время дня и ночи.

– А у меня Ежи единственный. Даже супруги нет... погибла...

Впервые за все время службы старший инспектор Гмежек не знал, что ему сказать. Он был циничен, как все полицейские, и за время службы повидал немало. Как все полицейские, он имел дело с отбросами общества: убийцами, грабителями, разбойниками, наркоманами. Он смотрел в глаза семнадцатилетнему поддону, который убил старую пани, чтобы поживиться содержимым ее сумочки, он входил в состав оперативно-следственной группы в ставшем основной для ленты синематографа розыскном деле «Березовая роща», когда им удалось изобличить маньяка, тихого почтового служащего, на руках которого была кровь тридцати двух человек¹⁵. Он всякое видел. Он видел и самых разных полицейских, честных и не очень, и совсем не честных, он мог даже подложить улику в карман виновного, если видел, что тот и в самом деле виновен. Но он никогда не арестовывал человека, никогда не привлекал его к ответственности, если видел, что тот – невиновен. А сейчас получалось так, что он отнимал сына у старого генерала, который был опорой порядка в Варшаве в эти трудные минуты, – и при этом искренне считал молодого человека невиновным.

Он впервые узнал, что это такое – арестовывать невиновного человека, человека, которого ты и сам считаешь неви-

¹⁵ Аналог этого дела в нашем мире – РД «Лесополоса», розыскное дело ростовского маньяка Андрея Чикатило.

новным. И ему это не нравилось.

– Пан генерал, я могу вам пообещать только одно, что я лично прослежу за тем, чтобы при производстве следствия закон соблюдался до последней запятой. Кроме того, я лично прослежу за тем, чтобы все данные об убитом, о том, кем он был – внесли в дело и представили на рассмотрение судье.

– Закон... – генерал снова повернулся к окну, – кому сейчас нужен закон, кто помнит о нем? Вот эти?

– О нем помню я. Надеюсь, что и вы, пан генерал. Закон нужен нам.

Генерал покачал головой.

– Что есть закон вот для них? – Он показал рукой в окно. – Рокошанам не нужен закон. Им нужна свобода. Они выходят на улицы и кричат – нам мало свободы! Дайте нам ее... Знаете, пан полицейский, когда-то давно... я и несколько других офицеров удостоились личной аудиенции монарха... тогда еще царствовал отец ныне правящего монарха, да продлит Йезус его дни. Он тогда сказал одну фразу, которую я и, наверное, мои спутники запомнили на всю жизнь. «У моего подданного нет права быть скотом», – вот что он сказал. И в России – никогда такого права у подданных не будет. Те, кто выходит на площадь и кричит, что им мало свободы, требует именно такой свободы. Свободы быть содомитом, наркоманом, диссидентом. Нас, которые не дают им эту свободу, они называют иродами и сатрапами...

Генерал снова замолчал.

– Пан генерал, вы знаете, где ваш сын был в ночь на двадцать шестое июня сего года? – осторожно спросил пан Гмежек.

– Об этом он расскажет вам сам. Если захочет. Думаю, захочет, потому что ему нечего стыдиться. Раньше таких, как этот пан... сжигали на кострах. Сейчас – у нас есть закон.

Генерал нажал на кнопку звонка, он зазвенел так резко, что старший инспектор Гмежек непроизвольно вздрогнул.

– Еще один вопрос, пан генерал. Я думаю, что ваш сын мстил за кого-то. Вы знаете – за кого?

– Об этом он тоже расскажет вам сам.

Хлопнула дверь, на пороге вырос майор Пшевоньский

– Пан генерал?

– Проводи, – коротко произнес генерал, показывая на Гмежека, – пусть полицейские выполняют свою работу.

– Прошу меня простить, пан генерал, – сказал Гмежек.

Генерал ничего не ответил.

Вместе с паном майором они проследовали на другой этаж, уже перекрытый. Здесь было шумно, голосили рации.

– Как вы выведете его из здания, пан полицейский? – негромко спросил майор Пшевоньский. – демонстранты его разорвут и вас заодно?

– Кто сказал, что я кого-то собираюсь выводить из здания?! – раздраженно ответил старший инспектор. – мне нужно просто поговорить!

Майор остановился около одной из дверей, постучал. По-

том еще раз.

– Странно...

Еще стук, громкий – без ответа

– Когда вы его последний раз видели?

– Полчаса назад.

Майор навалился с силой на ручку двери, добротную, сделанную из настоящей стали. Та не поддавалась.

– Есть еще ключи?

– Да, в дежурке.

– Неси, – распорядился полицейский, – и прихвати с собой еще кого-нибудь.

– Кого именно? – недоуменно переспросил майор.

– Не важно кого! Любого, только не полицейского.

– Понял...

Майор вернулся минут через семь – пришлось обходить баррикады. Вместе с ним был казак, невысокий, вооруженный автоматом крепыш.

– Вот! – майор протянул ключ.

– Откройте сами, – отстранился от двери старший инспектор.

Майор провернул ключ в замке, нажал на ручку, и дверь открылась.

– Теперь заходите и ни к чему не прикасайтесь.

В кабинете было темно из-за грязных, немых стекол, на столе была пыль, но с разводами, свидетельствующими о том, что тут кто-то был и совсем недавно. Старший ин-

спектор натянул на руки тонкие нитяные перчатки, которые всегда имел с собой, потом достал небольшой цифровой фотоаппарат и начал фотографировать. Сначала от двери он сделал несколько фотографий общего плана кабинета, потом подошел ближе к столу и сфотографировал несколько раз столешницу и оба стула. Потом сфотографировал стекла. Потом он достал небольшой цифровой диктофон, включил его и осторожно положил на поверхность стола. Лучше было бы – учитывая резонансный характер дела – производить съемку следственного действия на видеокамеру, но видеокамеру они на выезд не взяли. Придется довольствоваться этим.

– Сегодня тридцатое июня две тысячи второго года...

Он посмотрел на часы.

– Одиннадцать – семнадцать по варшавскому часовому поясу. Я, старший инспектор отдела убийств сыскальной полиции Варшавы Бронислав Гмежек, в связи с возбужденным уголовным делом о причинении смерти, провожу обыск кабинета номер...

Полицейский повернулся к военным.

– Двести семнадцать – подсказал майор Пшевоеньский.

– Номер двести семнадцать в здании штаба Висленского военного округа. Кабинет перед осмотром был заперт на штатный замок и был открыт по моей просьбе дежурным офицером, использовавшим запасной ключ, находившийся в дежурной части. Хозяином этого кабинета является поручик

Ежи Комаровский, Его Императорского Величества лейб-гвардии Польского Гусарского полка. Я прав?

– Не совсем. Это временный кабинет, обычно в нем располагаются командированные офицеры.

– Хорошо. С какого времени его занимает поручик Комаровский?

– Примерно два месяца, нужно посмотреть по журналу – ответил майор.

– В журнале отмечается, кому выданы ключи от кабинета?

– Да, обязательно.

– Сколько всего существует ключей от кабинета?

– Два ключа.

– Где они находятся?

– Один обязательно в дежурной части. Второй – на руках у офицера, которому предоставлен кабинет.

– Передача ключей фиксируется?

– Обязательно. Сдающий и принимающий расписываются в журнале.

– А если один офицер передает ключи другому офицеру?

– Тогда они должны подойти к дежурному и расписаться в журнале – кто сдал и кто принял.

– Спасибо. Получается, что теми ключами, которые должны быть в дежурке, вы открыли дверь. Вторые ключи от кабинета – у пана Ежи Комаровского, которому он предоставлен?

– Так точно.

– Пан Комаровский мог передать кому-то ключи от кабинета, не регистрируя это в журнале?

Майор задумался.

– Если он сделал это, то совершил должностной проступок, – изобрел наиболее приемлемую формулировку майор.

– А дежурный офицер мог выдать ключ, который находится у дежурной смены кому-нибудь?

– Мог, но не каждому. Только старшему офицеру с особыми полномочиями и с отражением этого в журнале.

– То есть, если дежурный офицер выдавал кому-либо второй ключ, это будет отражено в журнале?

– Да, безусловно. Без записи ключ не выдадут даже командующему.

– Хорошо, с записями в журнале мы ознакомимся потом...

Если бы старший инспектор Гмежек прервал обыск, спустился вниз и проверил по журналу, кому выдавался второй ключ, то сразу узнал бы имя настоящего убийцы. Убийца получал второй ключ сегодня, а до этого второй ключ брали несколько месяцев назад. Он имел полномочия, чтобы получить второй ключ, и знал, что его имя и номер удостоверения запишут в журнал учета, но пошел на этот тщательно просчитанный риск разоблачения. Потому что знал – ровно через три часа это не будет иметь никакого значения.

– Продолжаем. Обыск проводится в присутствии двух понятых, как того требует Уложение о следственных действи-

ях в уголовном процессе. Также процесс обыска фиксируется на цифровую фотографическую камеру марки «Ладога» и цифровой диктофон этой же марки, протокол будет составлен по окончании обыска, каждое действие, совершаемое в процессе обыска, комментируется мною вслух и снимается на фотографическую камеру. Понятые, пожалуйста, по очереди назовите свое имя, фамилию и должность.

– Майор Рышард Пшевоньский, офицер штаба Висленского военного округа.

– Казак Алексей Подгородний, урядник Донского казачьего войска. Прикомандирован к штабу, заместитель командира роты охраны.

– Хорошо. Понятые, внимательно слушайте ваши права: согласно Уложению о следственных действиях в уголовном процессе вы имеете право присутствовать при производстве обыска, наблюдать за действиями производящих его офицеров, не мешая им, указывать устно и позднее в протоколе, если одно из лиц производящих обыск возьмет и скроет что-либо при производстве обыска или, наоборот, подложит что-либо в помещение, где производится обыск. При подписании протокола вы имеете право вписать информацию обо всем, что вы увидели и услышали при производстве обыска, без ограничений, если она не вписана там при составлении протокола. Вам понятны ваши права, отвечайте по очереди?

– Да. Понятны.

– Так точно.

– Хорошо. Подойдите ближе к столу, пожалуйста.

Майор и казак подошли ближе.

– Я собираюсь открыть все ящики стола, какие смогу. Каждый раз, открыв ящик, я буду фотографировать, что в нем находится. Вы должны наблюдать за мной, чтобы я не подложил в ящики что-либо. Будьте внимательны, вам придется подписывать протокол и, возможно, свидетельствовать в суде. Вам все понятно?

– Так точно, – ответил за обоих майор.

В первом ящике была какая-то тетрадь, прошитая и скрепленная печатью.

– Пан полицейский, это секретная тетрадь. Не имея допуска к секретному делопроизводству, ее нельзя трогать.

– Я ее не забираю. Просто вынимаю и фотографирую.

Старший инспектор сфотографировал ее в ящике, потом вынул ее, положил на стул и сфотографировал с обеих сторон, не открывая.

– Открываю второй ящик...

На фанерном дне ящика, маслянисто поблескивая, лежал пистолет. Почему-то старший инспектор не удивился – он ничему не удивлялся в этом темном деле.

– Понятые, внимание. Подойдите сюда и посмотрите, что находится в ящике.

Понятые подошли. Старший инспектор сделал снимки – самого пистолета и понятых, смотрящих в ящик.

– Что находится в ящике, отвечайте по очереди?

– Там находится пистолет.

– Да, пистолет... – подтвердил казак.

– Вы видели, что я положил этот пистолет в ящик – или он находился там, когда я его открыл?

– Никак нет, пан полицейский, – ответил майор, чуть струхнув, – пистолет уже был в ящике, вы его туда не клали.

– Хорошо.

Старший инспектор порылся в кармане, достал оттуда чистый пакет, прикинул по размеру – пойдет.

– Я достаю пистолет и кладу его в пакет, мои руки в перчатках и отпечатков пальцев я не оставляю¹⁶.

Пан Гмежек вывернул пакет и ловко положил в него пистолет, как бы надев пакет на оружие. Потом он выложил пистолет в пакете на стол, вырвал из блокнота чистую страничку...

– Вы можете сказать, что это за пистолет?

– «Орел», табельный, – казак наклонился над ним.

– Не трогайте!

Казак отдернул руку.

Старший инспектор написал на бумажке «пистолет, предположительно марки «Орел», изъятый...» – он посмотрел на часы – «... в одиннадцать – двадцать восемь по варшавскому времени в кабинете номер двести семнадцать здания Висленского военного округа во втором сверху ящике письмен-

¹⁶ Это может показаться смешным, такого нет даже в нашем мире, но в этом к соблюдению требований закона подходят очень жестко.

ного стола мною, старшим инспектором сыскной полиции Варшавы Брониславом Гмежеком в присутствии и на глазах понятых Рышарда Пшевоньского и Алексея Подгороднего, в чем вышепоименованные расписались». После чего старший инспектор расписался сам, и расписались оба понятых. Затем пан Гмежек засунул бумажку в пакет, сорвал небольшую белую полоску, прикрывающую клейкую ленту внутри пакета, и заклеил пакет.

– Найденный пистолет изъят со всеми должными формальностями и помещен в чистый пакет для улик. Продолжаем обыск.

Но больше ничего найти не удалось.

* * *

Когда закончился обыск все трое – старший инспектор, казак и майор Пшевоньский – спустились вниз, на первый этаж здания. Там уже закончили строительство разборной баррикады, теперь строившие ее дежурные офицеры занимались другими этажами, перекрывая и их, уже капитально...

– Где журнал, в котором отмечается передача ключей, пан майор... – спросил старший инспектор.

– А вот он. Туточки...

Узнать имя убийцы старший инспектор не успел – хотя он был в нескольких секундах от одного из самых блестящих раскрытий в своей жизни, возможно, даже самого важного.

Одно из стоящих на улице авто вдруг взорвалось, в миллионную долю секунды превратившись в сгусток огня с температурой в несколько тысяч градусов. И этот сгусток огня, по размерам моментально ставший больше ширины набережной и доставший до третьего этажа здания – расширяясь со скоростью больше скорости звука, как языком, слизнул и демонстрантов, которых к этому времени значительно прибыло, и казаков, и полициянтов, стеной огня он ворвался в вестибюль, размазывая и пожирая все, что встречалось ему на пути, не обращая внимания ни на стены, ни на баррикады – все превращая в пепел и тлен.

Расследовать дело об убийстве Ковальчека – стало некому.

Вечер 30 июня 2002 года
Афганистан, город Желалабад
Рынок
Операция «Литой свинец»
Оперативное время минус
девять часов пятьдесят минут

Три часа до прорыва из нижних миров.

Дан приказ отступить.

В штабе жгут документы несбывшихся снов,

Твердь земная дрожит.

Оргия праведников

На сей раз Араб шел еще более извилистым путем, постоянно плутал – и дважды добрым людям приходилось указывать русскому путь к базару. Теперь он нес рюкзак, в котором было что-то прямоугольное.

Базар заканчивал торговлю с закатом, потому что правоверный мусульманин не должен работать после захода солнца. После захода солнца открывались многочисленные заведения, в которых хорошо подзаработавшие за день торговцы спускали денежки, творя всяческий харам. Считалось, что ночью Аллах этого харамы не увидит, по крайней мере Раб-

бани проповедовал именно так.

А заведения эти... тысяча и одна ночь. Восток...

Восток, где нет закона. Большое количество заведений было с детьми обоего пола, потому что детей в этой стране покупали и продавали на базаре, как скот. Многие предпочитали мальчиков – женщины в Афганистане от скотского обращения часто не доживали и до тридцати, богатые люди имели гаремы, иногда до сотни и больше женщин – поэтому у многих мужчин женщин не было вообще, и им ничего не оставалось, как удовлетворять свои мужские потребности с бачами. В отличие от России, где правочерные, подражая пророку Мохаммеду, имели только одну жену – здесь это считалось нормальным.

Были драки на потеху публике. В этих драках участвовали как рабы, так и свободные, но задолжавшие кому-то. Иногда драки шли до смерти, иногда – нет.

Популярны были петушиные бои – только в отличие от России здесь к шпорам боевых петухов прикрепляли острые пики или бритвы, и бои шли до смерти. Популярен тут был «бузкаши»¹⁷, причем здесь для этого использовали не козла,

¹⁷ Национальная игра, распространенная во всей Азии. Две команды на лошадях, из оружия – плети, которыми надо хлестать лошадей, но хлещут ими и друг друга. Суть игры заключается в том, что в центр поля бросают тушу только что забитого козла (иногда теленка), по команде все устремляются к ней. Ее надо схватить, вместе с ней объехать полный круг по полю и бросить ее в свои ворота. Другая команда всячески пытается этому помешать и отобрать тушу. Нередко в ходе подобных столкновений гибнут и сами участники (слетел с лошади, не удержался – все, затопчут копытами), и зрители (лошади иногда вылетают в тол-

а теленка, но ночью в бужкаши не играли, в него можно было играть только днем. Ночью бужкаши смотрели в записи и принимали денежные ставки на будущие игры.

Не стоит говорить про наркотики. В Афганистане наркотик – это норма жизни. Спиртного почти нет, литровая бутылка русской водки стоит сто золотых или почти сто пятьдесят афганей – для подавляющего большинства афганцев это неподъемная сумма. Гораздо дешевле насвай – жевательная смола конопли, которую носят в небольших, похожих на портсигары железных коробочках. Марихуана – здесь она растет, как сорняк, совершенно свободно – рви, сколько тебе нужно, причем афганская марихуана – лучшая в мире. Для крепости ее подмешивают в наргиле – курительный табак для кальяна. Ее курят те, кто находится в походе и устал, кому недоступна не то что женщина, но и бача¹⁸. Здесь, на базаре, косяк с марихуаной, конечно, стоит каких-то денег, но он так дешев, что его может позволить себе даже нищий.

пу). Среди скотоводов-кочевников эта игра имеет военно-прикладное значение, а федерации бужкаши – это готовые отряды боевиков. Нелишним будет напомнить, что события в Кыргызстане в 2010 году начались с ареста президента федерации бужкаши Кыргызстана.

¹⁸ Найдутся люди, которые считают, что автор сгущает краски. Но в Афганистане гомосексуальная педофилия и гомосексуализм являются нормой и в нашем мире. Когда шла война 80–88 годов – часто солдаты и офицеры ОКСВ не сдавались в плен живыми и потому, чтобы не стать жертвами изнасилования. Найдутся и те, кто считает, что автор смакует эту мерзость. На самом деле моя задача – показать, что в Афганистане все это – чудовищная норма, что это все происходит буднично и обыденно.

Ошибается тот, кто думает, что восточный базар ночью спит. Восточный базар ночью... скрывается.

Покружившись по улицам Джелалабада, русский вышел к забору, но не там, где были ворота. И тотчас заметил за ним серую тень, возникшую из призрачной восточной ночи. Эта тень не стала бросаться на забор – она остановилась в нескольких сантиметрах от него, и дыхание ее было чуть слышно.

Собаки!

Самые страшные собаки этих мест. Нет, не афганские борзые, используемые как охотничьи и даже как декоративные собаки. Туркменские алабаи! Огромные, весом по сто и более килограммов, мохнатые псы, обладающие едва ли не человеческим разумом. Их не смогли использовать в армии, как ни пытались – хотя любой алабай порвал бы двух, а то и трех армейских немецких овчарок в куски. Все дело было в том, что немецкая овчарка, правильно выдрессированная, могла поладить с любым проводником, а проводники в армии менялись, она выполняла заученные команды, как живой автомат. Алабай не только не признает нового хозяина – если хозяин отдаст команду, алабай поступит так, как ему кажется правильным, а не так, как ему скомандовали. Чертовски разумная собака! Несколько собак все же служили в отрядах, занимающихся поиском наркокараванов, но они были не в русских, а в киргизских группах – в боевых отрядах прикрытия границы, набранных из воинственных, чувству-

ющих себя в горах как дома, киргизов, желающих посвятить свою жизнь службе Белому царю. Точно так же, как чеченцы и осетины в своих боевых отрядах использовали кавказских овчарок – так киргизы использовали алабаев. Бывали случаи, когда пущенный по следу алабай задерживал группу вооруженных наркокурьеров в одиночку, не дожидаясь подхода проводника.

А здесь эта тварь охраняла рынок. Оно и понятно – тут и Хавала с наличными деньгами и золотом, тут и товар – не весь же унесешь домой, тут и рабы, готовые сбежать. Жаль, придется собаку убить, а возможно, не одну. Собаку как раз и жаль, не жаль людей. Наркаторговцы, работорговцы, убийцы – эти люди сами выбрали путь харама и беззакония, и убить их – значит, покарать, пресечь раз и навсегда беззаконие, вселить страх в сердца и других беззаконных. Собака виновата лишь в том, что честно служит хозяевам, а хозяева оказались последними подонками.

Но делать нечего. Придется убить.

Русский со странной кличкой Араб направился к воротам, идя рядом с забором и видя, что тень по ту сторону неотступно сопровождает его. Других не было, но их и не будет, алабай умные бестии и не будут сбегаться в стаю, бросаясь в бессильной ярости на забор. Возможно даже, что собака тут одна, хотя нет... Слишком велика территория, как минимум две.

У ворот его уже ждали, как и было оговорено. Двое пехле-

ванов, оба вооруженные. Чуть дальше был виден еще один, к нему подбежала собака – понятно... Проводник.

– Ты русский?

– Да.

– К кому ты идешь, русский?

– Я гость Гульбеддин-хана.

– Проходи, русский.

Собака подошла к нему, втянула воздух. Размеры собаки были такие, что она была ему выше пояса, не собака – медведь.

На базаре пахло гнилью вперемешку с изысканными специями и благовониями. То тут, то там виднелись машины, оставленные прямо в торговых рядах, было довольно чисто – за этим следили. Сразу в нескольких местах кипела жизнь, из-за накрепко запертых ставень пробивался свет, слышались голоса. Тягучая восточная мелодия звучала рефреном, из каждого заведения разная – и вместе с тем неуловимо похожая.

Поворот. Тут идут ряды, они не простреливаются, тут можно спрятаться и оторваться от преследования. Вдвоем, но с детьми...

Черт!

– Сюда, русский.

Ночью все было не так. Ночь все меняла...

Гульбеддин-хан сидел в дальнем, прикрытом легкими шторками углу, солидный и могущественный, в халате из до-

рогой ткани. Перед ним стоял плов с бараниной на медном блюде, другие блюда, достархан был заставлен полностью, богатый достархан. В правой руке хана виднелся мундштук из дорогого дерева, шланг был длинным, уходил куда-то далеко, что было необычно, как правило, кальян ставят рядом с дорогими гостями. Араб знал принцип действия кальяна, вытягиваешь воздух – и дым проходит через воду с ароматными добавками, очищаясь от тяжелых смол. Кальяном можно наслаждаться часами, это тебе не наспех выкуренная сигарета.

По правую руку от хозяина сидел еще один человек, со шрамом и изуродованной правой рукой, на которой не было двух пальцев полностью и одного – наполовину. Несмотря на это, человек управлялся обеими руками – судя по тому, как он ел плов. Кстати, плов он ел по-европейски, ложкой.

– Присоединись к нашему достархану, русский, и да не оставит тебя милостью Аллах, – церемонно проговорил Гульбеддин.

Русский присел перед достарханом по левую, не слишком почетную сторону от хозяина стола. Правая была занята.

– Аллахумма, барик ляна фи ма разакътана ва кына азабан-нар¹⁹, – вознес ду'а русский, и двое, Гульбеддин-хан и второй, уставились на него.

– Ты правоверный? – спросил второй.

¹⁹ Эту короткую молитву нужно произнести перед тем, как садишься за стол. Можно обойтись коротким «бисмилля» – то есть «Во имя Аллаха».

– Нет. Но я долго жил среди правоверных и знаю, как нужно жить, чтобы не навлечь на себя гнев Аллаха и отдалиться от шайтанов.

Некоторое время трое в молчании поглощали плов, при этом русский – как и Гульбеддин-хан – руками.

– Аллах велик, это хорошо, что среди русских есть такие люди... – сказал Гульбеддин-хан. – Ты узнал цену на свой товар, русский?

– Да, узнал, и он стоит дорого, потому что такого товара, как мой, нет на базаре.

– На нашем базаре есть любой товар, русский, товар из любой страны света, потому что нет такой страны света, где бы не было афганских купцов. Если ты не нашел такой же товар, русский, – это не значит, что его там нет.

Сбивает цену.

– Сколько ни говори «халва», во рту слаще не станет, – добавил второй, – быть может, ты, русский, покажешь нам свой товар, чтобы мы знали, о чем говорим?

– Охотно. Я знаю, что говорю, такого товара здесь нет и, наверное, не будет, потому что такой товар – для армии.

Из заплечного мешка русский достал два автомата Калашникова с полным набором приспособлений в двух чемоданчиках, передал их покупателям – не через стол, потому что через стол передавать нельзя. Заметил, что второй сразу заинтересовался, с благоговением прикоснулся к вороненой стали. Наверное, не раз оружие спасало ему жизнь в этих го-

рах.

Гульбеддин-хан нарочито быстро и не слишком заинтересованно осмотрел товар.

– Такой товар я уже видел. Ничего особенного.

– Не оскверняй рта своего ложью, да простит тебе Аллах твои слова! – резко ответил второй. – умей воздать должное тому, что ты видишь. Меня зовут Змарай, русский, я из людей Сулейманхейль. Много ли ты привез такого оружия?

– Пятьдесят – средних, пятьдесят – длинных. Все с БК и дополнительным комплектом. Первая категория, со склада.

– На базаре можно купить много оружия, Змарай, – чуть обиженно произнес Гульбеддин-хан.

– Но такого ты не купишь. Ты купишь одно-два, взятые в бою у британских собак. Но не сто. Или ты купишь русское, но старое. Что ты хочешь за свой товар, русский?

– Один автомат здесь стоит примерно пятьсот золотых. Но это – без дополнительного комплекта. Я хочу четыре тысячи за каждый.

– Аллах свидетель, ты нас грабишь! – всплеснул руками Гульбеддин.

– На каждый товар найдется купец, уважаемый. Я продам их за такую цену в торговых рядах. Многие люди не чувствуют себя в безопасности и охотно расстанутся с четырьмя тысячами золотых, чтобы купить себе хорошее оружие, которое послужит еще их детям.

Змарай погладил искалеченной рукой аккуратную, корот-

ко постриженную бородку

– Но, русский, ты не продашь это все в один день. А жизнь здесь дорога и опасна, и за право стоять в торговых рядах тебе придется выложить немалую сумму. И здесь много грабителей, да покарает их Аллах. А если узнают, что ты торгуешь, не заплатив – ты можешь лишиться не только товара, но и жизни.

– Ты прав, уважаемый, но я выручу достаточно, чтобы заплатить за торговлю.

– Достаточно никогда не бывает. Принц Акмаль, да покарает его Аллах, жаден настолько, что если он узнает, что кто-то хорошо торгует, то посылает своих нукеров, чтобы они брали с него дань дважды в день.

Покарает... И очень скоро – покарает. Так покарает – как вы и не видели никогда.

...Я же, русский, куплю у тебя все оптом или поменяю на то, что нужно тебе. И ты будешь доволен и уедешь сразу, и не будешь платить за торговлю.

– Назови свою цену, уважаемый Змарай, чтобы я знал, о чем идет речь.

– Я готов дать за твой товар по семьсот золотых, русский, и, клянусь Аллахом, это справедливая цена.

– Теперь вы меня грабите. Не далее как сегодня я видел, как на базаре продавали британский «Стерлинг» по девятьсот золотых. Неужели мой товар хуже британского «Стерлинга», тем более со всеми принадлежностями?

– Но британский «Стерлинг» хорош тем, что к нему можно взять патроны бесплатно, у британской собаки, которую ты убьешь. Потому он стоит таких денег.

– А часто ли так бывает? Британца не так просто убить. А патроны, подходящие к этому автомату, наше правительство в большом количестве поставляет племенам бесплатно, лишая честных торговцев законного заработка. И Сулейман-хейль тоже, уважаемый Змарай, я это знаю, потому что патроны проходят через те склады, где у меня много друзей. Правительство лишает их возможности торговать патронами, а каждый хочет заработать себе на старость, да простит нас всевидящий Аллах. Но лишь из уважения к вам и вашим ранам, полученным в бою с британскими собаками, я продам вам этот товар за три тысячи шестьсот золотых...

– Но и эта цена неподъемна для нас! Наше племя небогато, храбрые воины – вот все наше богатство! Тысячу золотых, русский, – это все, что мы можем заплатить, видит Аллах, что у нас больше нет!

– Но и я должен получить достойную цену! Я проделал долгий путь с этим оружием, меня по дороге обстреляли твои соплеменники, уважаемый Змарай! Как я посмотрю в глаза тем, кто меня послал, уважаемый Змарай, если соглашусь на такую цену? Нет, три тысячи триста золотых – моя последняя цена за этот товар, равному которому вы здесь не найдете. Три тысячи триста золотых – и точка...

Путь их был долог и труден, они не знали, где они, что с ними и зачем они здесь. Но они держались. Потому что их так научили, по крайней мере одного из них. Держаться – несмотря ни на что.

Старшего звали Вадим. В отличие от младшего Вадим был скаутом-разведчиком, то есть был готов к самым трудным обстоятельствам и жизненным перипетиям. Ему было четырнадцать лет, он заканчивал восьмой класс гимназии и был сибиряком. То есть – человеком закаленным и готовым ко всяческому жизненным невздам. Он родился в Николаевске-на-амуре²⁰, но в шесть лет переехал с родителями в Иркутск. Там он пошел в гимназию и сейчас заканчивал ее, дабы поступить на подготовительные курсы престижного²¹ Иркутского политехнического. Он не раз отказывался стать не только вожатым звена, но и вожатым отряда, потому что больше ему нравилось быть разведчиком. Он так и не решил,

²⁰ Сейчас – Комсомольск-на-Амуре.

²¹ В Российской империи в гимназии учились восемь лет, потом еще шесть лет получали высшее образование, и можно было остаться еще на два года «на углубленную специализацию». То есть понятия «старшие классы» не было – после восьмилетки поступали в высшее или среднее специальное или высшее военное и там уже доучивались по специализации. Единственным исключением были кадетские корпуса – там обучались двенадцать лет и выходили уже готовыми младшими офицерами для прохождения практики в войсках.

куда поступить – отец настаивал на поездке в Москву и попытке взять вершину МГУ, мать считала, что достаточно и Иркутского политехнического: отец был уроженцем Санкт-Петербурга, а мать коренной, упертой сибирячкой. Сам же он втайне мечтал о другом – о Новосибирском, Его Императорского Величества высшем военно-командном институте, о факультете специальной разведки – на который конкурс восемь-десять человек на место, и некоторые копают себе землянки около института, чтобы жить там на случай, если освободится место, и одновременно доказать офицерам-преподавателям, что ты достоин. Впрочем, землянка это еще полбеды, выпускной на этом факультете – в одиночку добраться до берега Тихого океана, через всю тайгу, лишь с армейским набором выживания. Да еще – по маршруту следования ни один командир воинской части не упустит возможности провести учения по поимке беглецов. Да и казаки – тоже не упустят лишней возможности размяться в лесу. Бывало, что из всего выпуска не доходил не один. Эти тоже служили, но в морской пехоте, в десанте и в обычной пехоте – как инструкторы присудят. Зато тому, кто дошел, – путь в спецназ был открыт.

Спецназ, блин...

Взяли его просто – так просто, что хотелось выть от досады. Они, двенадцать пацанов и восемь девчонок, выехали в северный Туркестан²², в плоскогорья. Там они должны были

²² Сейчас это Казахстан.

провести двадцать один день – стандартный полевой выход скаутов. Пройдя примерно пятьдесят километров от железнодорожной станции, они разбили скаутский лагерь, огородили его веревкой от змей и насекомых. Потом скаут-мастер послал его и еще двоих пацанов найти воду. Речек здесь почти не было, но он знал, что в некоторых местах есть потаенные источники, из них местные скотоводы, занимающиеся пастбищным выращиванием овец, поят свой скот. Поскольку воды в этих краях мало – источники эти тщательно маскируются, о них отцы рассказывают своим сыновьям, завещая хранить тайну. Он знал, что будет трудно, и возможно, ему придется пройти не один километр, а потом еще надо будет переносить лагерь. Но ведь он – скаут-разведчик и должен найти воду для отряда, если не он – то кто? И какой он тогда разведчик?

Он сделал так, как ему показалось удачным на тот момент. Найдя тропу, по которой гоняли скот – по кругляшам помета, шерсти и вытопанной земле, – он пошел по ней, даже не пошел, а побежал легким скаутским бегом, справедливо полагая, что овец гонят туда, где есть вода. Он удалился за пределы прямой от отряда, он дважды видел каких-то всадников, но те не подъехали к нему, а наоборот: завидев – ускакали прочь. Он не видел в этих всадниках никакой опасности, тем более, что у него был нож, и ножом этим он умел делать многое. Пробежав около пяти километров, он увидел коня и сидящего на земле, закутанного в халат старика. Он

подбежал к нему, чтобы спросить, не нужно ли чего, – и подбежал слишком близко, он не почувствовал опасности. Последнее, что он помнил, – это рука старика с зажатым в ней баллончиком и удушливый, вонючий газ, бьющий прямо в лицо. Больше он ничего не помнил.

Очнулся он, когда его везли по горам, связанного. Под ним было какое-то животное, ниже, чем лошадь, мохнатое и неспешное, оно везло его по горам и странно фыркало. Вокруг, пешком и на таких же ослах – вспомнил он урок биологии – ехали и шли бородатые, вонючие, вооруженные кто чем люди, негромко переговаривающиеся на своем, гортанном, непонятном для него языке.

Он не знал, что эти люди были душманами, а сам он был уже в северном Афганистане.

Потом на первом же привале он заметил, что он не один, попавший к этим людям. На другом осле везли еще одного мальчишку, такого же, как он, белобрысого, по виду младше его и толстого. Жиртрест – так они называли подобные создания в гимназии и били. Этот постоянно унижался и плакал, в конце концов один из этих людей стащил жиртреста со спины осла и хотел что-то с ним сделать (Вадим не понял, что), но тут второй из этих страшно заорал и вытянул первого плетью.

Как и всем пацанам-скаутам, ему рассказывали про правила выживания в самых разных житейских ситуациях. В том числе – при захвате террористами. Про похитителей лю-

дей ему не рассказывали, в империи не похищали людей, но террористы были, и детей учили, что делать, если они окажутся в плену или в заложниках. Не оказывать сопротивления, выполнять все требования террористов. Смотреть вокруг, все запоминать – местность, помещения, транспортные средства, людей. Не отказываться от пищи, воды, если плохо себя чувствуете – сказать об этом. Не смотреть террористам в глаза, стараться не говорить с ними ни о чем, не оскорблять их. Запомнить – сколько всего террористов, как выглядят, чем вооружены, о чем разговаривают. Не пытаться бежать, выхватив оружие у террористов, если только нет твердой уверенности в успехе задуманного. Стараться не находиться рядом с окнами и дверьми в помещениях, где вас держат. При штурме – падать на пол и закрывать голову руками, не подниматься, пока не будет команды, сразу сказать бойцам спецназа, кто ты и как здесь оказался, выполнять все их команды. Помнить, что империя сделает все, чтобы выручить вас.

Помнить, что империя сделает все, чтобы выручить вас.

В первый день его не кормили, дали только воды. Этого жиртреста – тоже. Вообще, толстяк мог не один день существовать на своем подкожном жире, но он снова разнюнился. Господи, откуда он?

Под вечер им пришлось прятаться. Внезапно один из похитителей что-то крикнул – и все засуетились, потащили ослов под прикрытие скал – они шли ущельем, и можно было

укрыться под нависающими скалами так, что увидеть скрывающийся отряд с вертолета могли бы, только зависнув на месте. Он не стал кричать, поскольку знал, что вертолетные турбины не перекричат, а вот жиртрест разорался, и его снова избили. Вадима же не трогали, непонятно, почему.

Вертолеты прошли над ущельем быстро и не заметили их. Он не знал, что это были не русские, а британские вертолеты.

Ночью он попытался совершить побег. Это было просто – веревка была сплетена из каких-то волос и освободиться от нее особых трудов не составило. Проблема была в жиртресте – он лежал недалеко от костра, и там было светло.

Почему-то он даже не подумал о том, чтобы уйти одному. Сейчас, в Джелалабаде, думал, а тогда нет. Он не знал, кто этот пацан и почему он здесь, но знал, что тот слабее и младше, и его оставлять нельзя. Все было хорошо до того момента, как он подкрался к этому нюне и попытался развязать его. Тот испугался и вскрикнул, душманы проснулись...

Тогда его в первый раз избили. Потом один достал нож – Вадим понял, что бандит собирается сделать, он читал книжки про степняков и знал, что они подрезают пленным сухожилия на ногах. Но тот, старший, снова заорал и вытянул душмана с ножом плетью. А потом и Вадима – несколько раз.

В качестве наказания его больше не посадили на осла. Ему развязали ноги, снова связали руки и накинули веревочную петлю на шею. Так он и шел – благо скорость передвижения осла по горам не сильно отличалась от скорости передвиже-

ния человека.

На третий день пути они встретились с еще одним отрядом. Он понял это по шуму и голосам вокруг. На них накинули мешки, чтобы те, другие, не увидели их. Несколько раз над ними пролетали вертолеты и самолеты, переходили дороги они очень осторожно. Он заметил, что несколько душманов идут позади отряда и, как могут, уничтожают следы. Один раз ему посчастливилось видеть пролетевший на низкой высоте вертолет – и он понял, что это не русский. Как и многие пацаны в Российской империи, он увлекался разными военными играми, покупал каталоги и журналы про вооружение – и сейчас он опознал в вертолете британский «Вестланд», одну из больших транспортно-боевых моделей в тропическом исполнении. Значит, они уже на британской территории...

Помнить, что империя сделает все, чтобы выручить вас.

Кабул потряс его. Они пришли туда на четвертый день пути, под вечер. Это был огромный, раскинувшийся в почти круглой долине в горах (может быть, в кратере потухшего вулкана) город, где лошади и ослы соседствовали на улицах с автомобилями, дорогими, но грязными. Он даже видел какой-то кортеж из нескольких одинаковых черных внедорожников, промчавшийся мимо – он не знал, что это ехал министр обороны Афганистана. Внизу были дорогие здания, нищие мазанки лепились к склонам гор. Он видел крепость – и не знал, что это крепость Бала-Хиссар, бастион, охраня-

ющий город.

Всю ночь они провели в каком-то вонючем сарае – их поместили в грязные клетки, как в зверей зоопарке, и заперли на замок. Таких клеток было много, но он оказался в одной клетке с тем самым пленником. Тогда же он узнал, что его зовут Витя, и его украли на железнодорожной станции. А так он из Москвы.

При слове «Москва» Вадим, сибиряк, презрительно скривился – все понятно. Еще он хотел навешать этому паразиту трендюлей за провал побега, но не стал этого делать. То ли из жалости, то ли из-за брезгливости – сам не понял.

В других клетках в темном, вонючем помещении были такие же дети. Он не мог поверить тому, что видит, казалось, что это не земля – другая планета. Клетки, поставленные на глиняный пол, вонь...

Но он еще не видел кабульского базара...

По какому-то странному стечению обстоятельств его не выставили на продажу – их двоих просто привезли в этой самой клетке и поставили в тень, рядом с оградой. За ограду клетку завозить не стали – потому что за это надо было платить три цены. Но забор не был сплошным, как в Джелалабаде, – и он видел рынок. Рынок рабов...

На рынке рабов прилавков представлял собой столбы, крышу и поперечину. Столбы шли часто, а крыша была предназначена для того, чтобы прикрывать рабов от солнца, от безжалостного афганского солнца, чтобы они не умерли и име-

ли товарный вид. К перекладине и столбам приковывали наручниками совершенно голых детей и подростков – мальчиков и девочек, выставленных на продажу. Он не знал, что существуют ряды для взрослых рабов – и ему показалось, что тут торгуют только детьми. Большею частью – девочками, девочек в Афганистане вообще продавали замуж, кто-то по сговору между семьями, а кто-то – и тут, на базаре. Покупатели неспешно шествовали по рядам. Приценивались к товару, осматривали, щупали, как скот. Тут же рядом были и продавцы...

Непостижимо уму!

Они изучали историю, в том числе и историю древних веков, в гимназии и знали, кто такие рабы и кто такие рабовладельцы. Они знали и о том, что в некоторых местах земли такие обычаи сохранились: все эти места были в Африке, где германцам так и не удавалось сделать что-то приличное из местных племен. Но он никогда не думал, что от земель империи до базара с рабами – четыре дня пути пешком.

Самое страшное, что в основном продавали детей. В России никогда, даже в давние времена, не продавали детей. Было понятие «закупы», то есть люди, которые на хозяйстве кредитора отработывали долг, который не могли отдать, и после его отработки снова становились свободными людьми. Было крепостное право, но тогда даже дворами продавали редко, кому нужен двор? Продавали деревнями, землю и крестьян, ее обрабатывающих: а крестьянину какая разли-

ца, на кого отрабатывать барщину и кому платить оброк? Был один барин, стал другой барин. Были, конечно, дворовые девки, оказывающие барину услуги – ну так и сейчас, открой газету – то же самое, только называется по-другому. А уже с восемнадцатого века барщину почти и не отрабатывали, платили оброк, а потом и вовсе – начали выкупаться из крепостных, и выкупались довольно много еще до реформ Александра Второго Освободителя, злодейски убитого террористами²³. Но рабских базаров на Руси не было никогда, ни в древние века, ни в средние.

А тут они были. И Вадим просто не мог этого понять, не мог осознать – что ты чувствуешь, когда тебя приковылают наручниками к столбу голого, а вокруг ходят покупатели, щупают, выбирают, договариваются о цене НА ТЕБЯ, торгуются. К его счастью, выросший в России паренек-скаут не знал, с какими целями обычно на базаре здесь покупают мальчиков-бачей. Но все равно – представить себя прикованным к столбу он не мог.

Закончилось все тем, что он потерял сознание в клетке от солнечного удара.

Пришел в себя он уже в дороге. Небольшой грузовик с

²³ Ныне официальная историография рисовала Россию как страну беспросветного крепостничества и крестьянской нищеты. На самом деле это не так: прабабушка автора после большевистского переворота сдала советской власти мешок (!!!) червонцев. Проблемой было то, что крестьяне не могли нормально вкладывать эти деньги в доходное дело, вот они и копились в мешках, выходя из экономического оборота. Это было плохо и для крестьян, и для государства.

открытой платформой натужно рычал слабеньким мотором, преодолевая запруженную транспортом дорогу, а вокруг были горы. Такие горы, каких он никогда не видел. Клетки закрыли брезентом, как это обычно делали, когда перевозили по большим дорогам рабов в клетках – чтобы рабы не умерли от солнечного удара и чтобы лишние глаза их не видели, но закрепили брезент плохо, и один край его отогнулся в сторону. Тогда-то он увидел машины, каких никогда раньше не видел – большие, с огромными колесами, с решетками от гранатометов и бронелистами, прикрывающими кабину и кузов – это были русские машины. Он знал, кто такие караванщики, отставные военные, про них снимали боевики и писали книги. Караванщики не видели его, а он не мог подать им никакого знака. Но рано или поздно – его же куда-то привезут, а если караванщики едут по той же дороге, что и его похитители, то логично предположить, что они будут и там, куда его привезут. Если он крикнет, что он русский и его похитили, караванщики наверняка не останутся в стороне, ведь они тоже русские!

Немного успокоившись, он осмотрелся и нашел на полу своей клетки большую флягу с водой, лепешку и нечто вроде шкуры, чтобы укрыться от холода. Шкура омерзительно воняла, но хоть что-то...

Только потом, когда они приехали в Джелалабад, он понял, что теперь их трое, до этого не было видно из-за брезента. Вместе с ними на машине в такой же клетке ехала дев-

чонка. И тоже русская, блондинка! Она-то сюда как попала?

Самое страшное потрясение ждало его на базаре, куда они заехали. Когда открыли клетки и пленников погнали наружу – из караван-сарая (или как там он называется) вышли несколько этих. И с ними был русский, караванщик! И у него было оружие, русский автомат, он это видел! Русский оглянулся и тоже увидел его, а он крикнул, чтобы привлечь его внимание, но произошло то, чего он никак не ожидал.

Русский просто отвернулся.

Наверное, поэтому он не попытался бежать, когда его вывели из клетки и потащили внутрь караван-сарая. Не из-за собаки и плетей. Из-за этого.

Он был слишком потрясен, чтобы бежать. Потрясен предательством.

* * *

– Две семьсот! Две семьсот последняя цена, иначе, клянусь Аллахом, я увезу это назад. Лучше я продам это в Кабуле за настоящую цену, чем отдам за бесценок здесь!

– Что ты такое говоришь, русский?! В Кабуле оружие стоит дешевле, тебе никто не даст и полутора тысяч золотых, которые даем тебе за товар мы. Погнавшись за большим барышом, ты потеряешь и малый, русский, и продашь себе в убыток! Кто заплатит тебе за то, что ты приехал в Джелалабад, но потом направился обратно в Кабул?

– Но мне все равно придется ехать через Кабул, чтобы вернуться к себе домой, затраты мои невелики. В Кабуле я попытаюсь продать это оружие тем, кто на службе у короля, они дадут настоящую цену.

– Ты не знаешь, что говоришь, русский. Да спасет тебя Аллах, если ты обратишься к людям короля. Это жадные и злые люди, для них нет запрета грабить и убивать. Если им понравится товар – то может случиться так, что через несколько дней твое тело выловят из реки Кабул, а все, что у тебя есть, продадут на базаре. Не связывайся ни с людьми короля, ни с людьми принца, они не страшатся наказания Аллаха за свои гнусные дела и людского гнева. Они уготовили себе пристанище после смерти – геенну на вечные времена. Только чтобы сохранить твою жизнь, русский, и не дать совершить тебе ошибку, которая, вне всякого сомнения, станет для тебя последней в этой жизни, мы дадим за твой товар одну тысячу восемьсот золотых.

– Аллах свидетель, я так и не дождусь нормальной цены за свой товар. Придется завтра идти искать других торговцев. Может, племя Джадран купит их за две с половиной тысячи золотых?

– Племя Джадран никогда не купит их за такую цену, русский. У них достаточно оружия, взятого в бою, у них много воинов, и некоторым из них оружие дает король, а другим – русские, и все это им дают бесплатно. Люди Джадран не покупают оружие, они его продают. Но за тысячу семьсот зо-

лотых мы купим это оружие у тебя, пусть и в ущерб себе.

– А племя Дуррани? Их люди уже подходили ко мне, они исходят негодованием и гневом от того, что на афганском престоле находится не достойный человек их рода, а жалкий полукровка, продавшийся британским собакам задешево. Может быть, тот товар, что привез я сейчас и привезу еще, поможет людям Дуррани изменить это? Они предлагали мне две тысячи триста золотых за каждый автомат, с условием, что я привезу еще несколько партий таких же. Дуррани нужны сильные воины, а воинам нужно достойное оружие.

– Дуррани достойные люди, но среди них мало воинов, проклятый король уничтожил многих, да покарает нечестивца за это Аллах. Две тысячи²⁴. Две тысячи золотых, русский, – иначе ищи и другого покупателя на свой товар, и другого продавца на то, что ты хочешь купить, и да поможет тебе Аллах в твоём промысле.

Русский захватил рукой горсть уже подостывшего риса с изюмом, закинул его в рот, прожевал. Афганцы ждали его решения.

– Хоп! – наконец сказал он. – договорились!

Змарай, торговец и воин Сулейманхейль тоже повеселел, забросил в рот горсть риса, отложив в сторону большую лож-

²⁴ Это весьма солидная цена, в Пешаваре, по ту сторону границы, новенький русский внедорожник «Егерь» стоит от десяти до двенадцати тысяч золотых, в Джелалабаде – от восьми до девяти тысяч золотых. Такая разница цен между двумя близко расположенными городами объясняется тем, что, перевозя машину через границу, надо подкупать таможеню.

ку, которой ел до этого.

– Тогда, русский, мы заберем свой товар сейчас и дадим тебе плату за него, как договорились.

Русский поднял руку.

– Э, нет... А как насчет товара, который нужен мне?

Афганцы переглянулись.

– Базар сейчас не работает, русский, но, клянусь Аллахом, утром, как встанет солнце, ты получишь свой товар.

– Тогда утром мы и завершим сделку, – отрезал русский.

– Но у нас есть деньги сейчас, русский, зачем ждать расвета. Это настоящие деньги, утром ты за них купишь товар, хоть у нас, хоть у других людей, – сказал Змарай.

– Нет. Я договаривался купить товар у вас, со скидкой. Если вы утром не продадите мне товар, как мы договорились, то и мне нет смысла соблюдать то, о чем мы сейчас договорились. Я пойду и продам свой товар на базаре и куплю, что мне нужно, тоже на базаре. Кроме того – пачку денег украсть гораздо легче, чем целый кузов товара, и я не хочу рисковать даже одну ночь. Я продам вам сейчас только тот товар, что у меня с собой и что я принес вам на пробу.

Змарай снова помрачнел.

– Ты не доверяешь нам, русский?

– Нет. И никому здесь я не доверяю. Пока я не увижу товар, который нужен мне, я не отдам товар, который нужен вам.

Некоторое время русский и афганец смотрели в глаза друг

другу.

– Поклянись, русский, – сказал Змарай, – что ты не продашь товар другим людям. Я знаю, что среди русских мало клятвоотступников.

– Среди нас нет клятвоотступников. Поклянитесь и вы, что дадите мне товар, который нужен мне по хорошей цене.

Змарай взглянул на Гульбеддин-хана, и по этому взгляду Араб внезапно понял, что Гульбеддин-хан не более чем слуга здесь, и то, что он называет себя ханом, никак это не меняет. Хан здесь другой, а Змарай по его положению выше Гульбеддина.

– Клянусь, – сказал Гульбеддин-хан.

– Поклянись на Коране, как положено, – сказал русский.

Гульбеддин-хан что-то недовольно крикнул, объяснил подбежавшему баче, что ему нужно. Через некоторое время принесли священную книгу в дорогом, тисненном настоящим золотом переплете. Положив руку на нее, Гульбеддин-хан поклялся вторично.

– Клянусь и я в том, что не продам товар другим людям помимо нашей договоренности, какую бы цену за него они мне ни предложили, – сказал русский. Если не вникать в суть – клятву он и не собирался нарушать, ведь он собирался не продать, а отдать оружие бесплатно дружественным пуштунским племенам, за то, что те проведут его к границе. Продать и отдать – разные вещи, не так ли? Среди русских и впрямь не уважались клятвоотступники.

Змарай снова повеселел, крикнул бачу и велел принести кишмишовки. Достал из кармана пачку афганей и расплатился за те два автомата, которые были перед ним. Русский отказался пригубить и попросил чая. Чай принесли на всех...

Ночь на 1 июля 2002 года
Испытательный полигон ВВС РИ
Где-то в Туркестане
Операция «Литой свинец»
Оперативное время минус три
часа пятьдесят одна минута

Не так давно – несколько лет назад – по экранам страны прошел фильм, даже не фильм, а целый сериал на пятьсот серий. О жизни русского дворянства, а назывался... «Под сенью орла»... или как-то в этом духе, не могу поручиться за память. Там было много чего интересного, но настоящие дворяне только сплюнули, посмотрев этот фильм. Да, там были изображены дворяне, но ненастоящие, те, кто выслужил дворянство на гражданской службе, и те, кто получил по наследству титул вместе с солидной суммой денег. Вот если говорить про этих – все правильно. И Изотта-Франскини на день ангела, и кабаки всю ночь напролет, и экзамены в Царскосельском лицее, сданные за солидные взятки. И милые барышни с Бестужевских курсов, которых не нужно долго уговаривать весело провести время с солидным молодым человеком, с титулом, красивой машиной и платиновой кре-

дитной карточкой. Милые барышни с Бестужевских, кстати, тоже бывают разные – самые красивые как раз таким вот хлыщам от ворот поворот дают, это я вам истину говорю. И дворяне – тоже бывают разные.

Пока что государство держалось на том, что первую скрипку все же играло военное дворянство и дворянство купеческое, в основном происходящее из староверов или породнившееся со староверами. В том, что дворянство занималось коммерцией, не было ничего плохого: бесчестны не те, кто занимается коммерцией, бесчестны те, кто проматывает состояние, накопленное отцами и дедами, сегодня такой хлыщ промотает свое состояние, завтра он промотает всю Россию, только дай. Особняком стояло и военное дворянство – те, кто выслужил личное, а кое-кто и потомственное дворянство на военной службе. Наконец-то Российской империи удалось создать настоящую элиту – класс военных, жестких и правильных, всегда делающих не то, что хочется, а то, что должен делать дворянин и офицер. Долг был для них альфой и омегой, долг определял их жизнь даже в мелочах, долг заставлял их всегда вызываться на самые трудные и опасные дела, долг сопровождал их жизнь с младенческой колыбели и до смертного одра. Для этих дворян Царскосельский лицей или Московский университет не значили ничего рядом с Академией Генерального штаба или Академией Морского генерального штаба, которые в этой среде почитались вершинами воинской карьеры. Надо сказать, что самые

красивые девушки с Бестужевских курсов почему-то любили именно таких вот дворян – дворян шпаги.

Но особое, стоящее особняком от всех образование получал наследник престола. Чтобы управлять огромным государством – требовалось образование высочайшего уровня, к этому нужно было готовить с детства. Наследник должен был понимать и управлять как военной, так и экономической мощью государства. Более того – он должен был понимать нужды своих подданных, нужды всей огромной страны – и жить к их удовлетворению. Каждый император должен был внести свой вклад в дело усиления и расширения огромной империи – иначе он не был достоин благодарной памяти потомков.

В отличие от своего деда, Александра Четвертого Великого, который не имел военного образования, не имел ни малейшего желания его получать, и так и проправил сорок с лишним лет, отдав военные вопросы – военным, в отличие от своего отца Александра Пятого, который равно интересовался как экономикой, так и военным искусством, цесаревич Николай с детства проявлял интерес именно к войне. История сохранила фотографию смотра войск, когда цесаревичу было пять лет. По протоколу, государь император должен был принимать войсковой смотр, находясь на коне, императрица с детьми должна была находиться в старинной карете, окруженной казаками из Собственного, Его Императорского Величества Конвоя. Как раз к пятилетию наследнику по-

дарили пони, и он – уже тогда был упрямым, непослушным и настойчивым – настоял на том, чтобы принимать смотр, даже не сидя перед отцом на его лошади, а на своем пони, отдельно от отца и в своем седле. Фотограф и запечатлел это вопиющее нарушение протокола – рядом с рысаком императора стоял пони цесаревича, и сам он, в пошитом специально для него мундире Конной Казачьей Стражи, принимал смотр войск вместе с отцом. Потом, кстати, эта фотография появилась во многих войсковых гарнизонах необъятной России – никто не заставлял ее покупать, сами офицеры покупали и вешали, как портрет, на видном месте.

Когда цесаревич подросток – он доказал, что желает стать военным, обычные уроки он учил из-под палки, зато все свободное время проводил с казаками и с частями лейб-гвардии, все его друзья-сверстники тоже происходили из военных, за исключением Бориса, наследника польского трона, с которым цесаревич подружился, потому что так велел отец. Отец не объяснял, зачем это надо, он сказал коротко и просто: это нужно России. И все.

Но те, кто представляли цесаревича таким армейским дуболомом, ошибались, и сильно. Отслужив положенное в частях разведки воздушного десанта, цесаревич научился главному – он научился вести за собой людей и отвечать за каждого из них. Он научился ответственности – потому что каждое решение, принимаемое им, могло означать смерть для его подчиненных, ибо служил он в местах весьма неспо-

койных. Он научился быстро и жестко принимать решения, он понимал смысл слова «незамедлительно» – потому что в бою нет времени на раздумья, либо ты опередил противника, либо он опередил тебя. Он научился принимать, не оттягивая, неприятные решения – потому что в бою приятных решений не бывает. Он научился смотреть на мир без розовых очков, потому что на вражеской территории ты должен видеть то, что есть на самом деле, а не то, что тебе хотелось бы видеть. Он научился не рассчитывать ни на кого, кроме себя самого и своих боевых товарищей, потому что в бою больше рассчитывать не на кого. Армия многое дала ему – и даже в гражданской жизни, когда он, сказав себе «надо», садился за «трактаты о скудости и богатстве» – уроки армии не проходили даром.

Но сейчас он должен был сделать то, чего еще никогда не делал. Он командовал взводом, ротой, но его уровень ответственности никогда не выходил за пределы оперативного уровня. Да, разведка воздушного десанта – это козырь, в каких-то условиях они могут остановить или замедлить наступление целой армии. Но опять-таки, в данном случае изменения в стратегической ситуации достигаются решениями оперативного уровня: выбросить группу, которая должна взорвать склады горючего и боеприпасов, расстроить снабжение наступающих частей, подорвать их коммуникации, нарушить связь с вышестоящими штабами. Но он хоть и понимал, что такое решение стратегических задач, он понимал

это только в теории. Практика должна была состояться сегодня.

Много лет они собирались в «клубе молодых офицеров». Говорили. Критиковали. Предлагали новое. Но предлагать и критиковать легко – и только сейчас будущий государь, наследник престола, понял, насколько тяжелее воплощать все это в жизнь. Превращать слова – в конкретные и жесткие дела.

Цесаревич удивился тому, как легко отец дал ему карт-бланш на то, что он задумал. Считаешь нужным сделать – делай. Считаешь, что надо разбомбить базы наркомафioзии и базары, где торгуют наркотиками, – действуй. Привлекай авиацию и действуй.

Только сейчас он понял, что это – проверка. Говорить в клубе офицеров – одно. Делать – другое. Афганистан – это подмандатная территория Британской империи. А как отреагирует она на это? Да, наркоторговля там под запретом – однако же и выращивают, и торгуют, и никто ничего не делает – недавно в одном из британских журналов опубликовали снимок: британские солдаты спокойненько идут по полю красных маков – опиумных маков. Может быть, они думают, что этот мак посеян в кулинарных целях?

Наркоторговля – столп современного Афганистана, то, на чем держится и режим, и британское господство в этом регионе мира. Британцам не нужна там никакая промышленность, единственный экспортный товар Афганистана –

это опиум-сырец, диацетилморфин²⁵, его величество героин. Миллионы... да какие миллионы, десятки миллионов, если не сотни, наркоманов по всему земному шару зависят от состояния дел здесь. Здесь и в Центральной и Южной Америке. Тот, кто контролирует этот забытый Аллахом клочок земли, владеет судьбами этих людей, за дозу они совершат что угодно. Тот, кто контролирует этот клочок земли, может убивать без войны, ведь каждый пакет героина, пересекший границу, – это смерть людям, это неродившиеся дети, это ограбленные и убитые на улицах прохожие, ради того чтобы торчок получил деньги на дозу. Это удар по будущему страны, по его молодому поколению. Героин – это основа процветания рабства в континентальной Японии, где одна нация, жестокая и решительная, но не слишком многочисленная, удерживает уже десятилетия в повиновении нацию, в десять раз более многочисленную. Героин – это тайная власть, это дар самого Сатаны людям – и если международные договоры мешают расправиться с теми, кто делает деньги на русской беде, на русском горе, – к черту такие международные договоры! Но это – легко сказать. А сделать?

Всего два человека должны рискнуть. Доразведка целей – и возврат. В северную Индию ни шагу, чтобы не завалиться на приграничной проверке – достаточно спутниковых снимков, основные цели в Афганистане. Это люди, которые слу-

²⁵ Диацетилморфин – он же «слеза Аллаха», жидкий экстракт наркотических веществ.

жат для того, чтобы рисковать, выполнять подобные задания. Как ему объяснили – в этой группе служили только сироты. Он говорил лично с теми, кого отправлял на ту сторону – в этом был его долг, долг командира. У одного отца убили исламские экстремисты во время событий в Бейруте. Другой – казанская безотцовщина, хулиган, решивший пойти в армию после того, как на руках у него умер жандармский офицер. Это было во время событий в Казани – тогда он сам, по велению сердца кинулся за жандармами и обезвредил опасного террориста, только что убившего человека. Может, это выпренне и неуместно говорить, но у этих молодых офицеров кроме России не было ничего. Ни один из них даже не был женат.

Он поговорил с ними по телефону, с каждым наедине, не раскрывая свое инкогнито. Приказал не рисковать излишне – он имел право приказывать, не потому что был наследником престола, а потому что когда-то рисковал сам, так же как эти юноши, и еще хлеще. Приказал не лезть на рожон. И сказал, что берет на себя всю ответственность за сделанное, и если операция закончится провалом – в этом будет виноват только он один.

Теперь он должен выступить перед большей аудиторией. Настало время вводить в действие основные силы.

Те, кто занимался беспилотными летательными аппаратами, в основном были людьми его поколения, а кое-кто – и младше. Некоторые – по сути, дети, а то, что должно было

произойти, для многих – не более чем компьютерная игра с высокой степенью реализма. Они воевали в виртуальном пространстве, они находились за многие сотни, а то и тысячи километров от мест событий, в которых принимали участие. Их не было в кокпитах ударных БПЛА, камеры заменяли им глаза, карта местности с обозначенными целями – дополняла их разум. От них бессмысленно было требовать героизма и тем более самопожертвования – какое может быть самопожертвование, скорее это настоятельная рекомендация не ломать ценное военное имущество. Они совсем не были похожи на лихих военлетов прошлого, на честном слове и интуиции направлявших свои машины на цель, скрываясь за складками местности и понимая, что они погибнут, если выбрали не тот маршрут подхода и на нем их поджидает шквальный огонь ЗПУ. Эти военлеты были готовы умереть в любую секунду своего безумного полета – и потому-то так ценили жизнь, потому-то так чудили, жадно хватая то, что жизнь успевала им дать. Новое поколение совсем другое, от оператора БПЛА бессмысленно требовать погибнуть за Родину.

Но это – будущее. Эти разгильдяйского вида geeks – цесаревичу пришло в голову определение, каким пользуются североамериканцы – гики, компьютерные фанаты, эльфы двадцать второго уровня с бледным, нездоровым цветом лица, очками от постоянного смотрения в монитор, специфическим сленгом, который не поймет ни один нормальный че-

ловек. В чем-то с ними проще, чем с профессиональными военными, – они легки на подъем, изобретательны, любознательны, мгновенно образуют команды и договариваются о распределении ролей в них, они смотрят не на погоны того, кто перед ними, а на степень полезности человека для выполнения задания. Они мыслят в категориях «миссия-результат», для них движение – ничто, цель – все. Они основа новой армии – гибкой, мобильной, с развитыми горизонтальными связями, с мгновенным получением и обменом разведанными, с мгновенным принятием решений и реагированием на действия врага, с поощрением инициативы снизу, с действиями мелкими группами, работающими ради единого результата. Армии – пчелиного роя. Увидев врага, они не будут запрашивать штаб, они оценят свои силы, и если силы позволяют – вступят в бой, не дадут уйти. Воины виртуальной реальности, но сегодня они должны вырваться из нее и обрушиться на злодеев вполне реальный, осязаемый удар. Покарать их так, как никто никогда не карал. Напомнить, что Россия – есть, и с ней всегда нужно считаться.

В зале есть и другие – старая гвардия. Но старой гвардии достаточно отдать приказ, а вот его сверстникам нужно объяснить – что они делают и ради чего. Какой враг перед ними и почему его нужно непременно уничтожить. Какую угрозу он несет России. Если он сумеет объяснить им это, если он своими словами вселит в их сердца понимание нужности и праведности их миссии – они пойдут и сделают это. На самом

высоком уровне. И для него это тоже будет победой. Победой над собой, над рамками старого мышления, и над теми, кто считает, что граница, проведенная на карте черта, остановит удар возмездия...

Не остановит. Не надейтесь.

Спокойно. Три-два-один-вдох. Три-два-один-вдох. Пошел!

Включился свет.

– Господа! И дамы – если таковые имеются.

Смешки. Дам не было.

Цесаревич стоял перед собравшимися в просмотровом зале офицерами так, что его фигура проецировалась на экран, отражаясь темным, страшновато выглядящим силуэтом.

– Все мы знаем – для чего мы здесь. Но не мешало бы напомнить еще раз. Там, – цесаревич простер руку на юг, – лежат чужие земли. Чужая страна! Люди, живущие там, живут по своим законам, и мы уважаем их право жить по своим законам!

Цесаревич сделал передышку, чтобы хватануть воздуха и оглядеть собравшихся.

– Но только до тех пор, пока их законы не приносят зло нам! Только до тех пор, пока с той стороны на нашу землю не идут вооруженные банды, чтобы убивать нас! Только до тех пор – пока с той стороны не течет река ядовитого дурмана, чтобы травить нас!

Новая передышка. Кажется – берет...

– Нам предстоит нанести удар одновременно по множе-

ству целей, используя все технические средства, которые у нас имеются. Цели находятся как в оперативной, так и в стратегической глубине территории противника, часть их них – прикрыта системами ПВО. Также перед нами стоит задача вывести из строя системы ПВО хотя бы частично, чтобы снизить риск потерь в боевой технике. Кратко – по целям самого первого приоритета.

На экране за спиной появилось первое спутниковое изображение.

– Это город Джелалабад. Столица провинции Нангархар и один из крупнейших городов Афганистана. Джелалабад является крупнейшим мировым центром по торговле героином. Не случайно крупнейшее и самое богатое наркомафиозное объединение мира называется «Джелалабадский синдикат». Перед вами, господа, – крупнейший, крупнее даже, чем пешаварский, рынок, на котором торгуют наркотиками, – джелалабадский рынок, занимающий территорию в пять квадратных километров. На этом рынке почти нет обычной торговли – здесь не торгуют ни продуктами питания, ни вещами, ни автомобилями, ни выючными животными, все это продается на рынке по соседству, на окраине города. Зато здесь торгуют оптовыми партиями героина, конопли, диацетилморфина, прекурсорами²⁶ для производства наркотиков, кислотой. Кроме этого на рынке продают рабов, похищенных, оружие и взрывчатые вещества. По дан-

²⁶ Прекурсоры – исходные вещества для синтезирования героина из опия.

ным, полученным из заслуживающих доверия источников, в любой день на этом рынке находится не менее тридцати тонн наркотических веществ, складированных в ожидании покупателя, – наши аналитики считают эту цифру даже заниженной. Но самое главное – на этом рынке существует несколько подпольных банков, хранилищ золота и драгоценностей, действует отлаженная банковская система, организационно входящая в систему подпольного финансирования «Хавала»²⁷ и обеспечивающая процесс производства и транспортировки наркотиков, а также финансирования бандитских и террористических групп! На этом рынке в торговое время обретается значительное количество лидеров наркомафиозных объединений, бандформирований, находящихся под контролем наркомафии и исламистского подполья, особо опасных террористов. Нанеся удар по джелалабадскому рынку, мы добьемся намного большего, чем простое уничтожение тридцати тонн наркотических веществ – мы уничтожим значительную часть руководства Кандагарского картеля и нанесем смертельный удар по финансовой системе, питающей исламский терроризм и торговлю наркотиками. Мы уничтожим само осиное гнездо, вместо того чтобы гоняться за отдельными осами. Мы сожжем инфраструктуру, и на ее воссоздание, на разбирательство относительно того, кто кому должен – при том, что записи и носители ин-

²⁷ Хавала – внебанковская исламская система финансирования, существующая и в нашем мире. Основа финансирования терроризма.

формации будут уничтожены, – потребуется много времени, гораздо дольше, чем на то, чтобы вырастить новый урожай опийного мака, экстрагировать опий и синтезировать из него героин! Помните, что продаваемый на этом рынке героин идет в Россию, и подданные моего отца травятся им!

Цесаревич оглядел собравшихся.

– Второе изображение, пожалуйста.

Картинка сменилась.

– Цель номер два! Это рынок под Пешаваром, рядом с ним расположен лагерь Охри²⁸. Две цели одна рядом с другой. Рынок под Пешаваром – торговля наркотиками здесь почти не ведется, зато здесь торгуют адским снадобьем для их производства, рабами, оружием! Все это оружие будет обращено против нас! В лагере Охри, воссозданном после налетов десятилетней давности, не только готовят исламских экстремистов для организаций «Хезболла», «Исламский джихад», «Джихад до победы», «Аль-Каида» – там, в укрепленных бункерах находятся склады оружия и взрывчатых веществ. Стоит нам разбомбить все это, стоит только заставить все это сдетонировать – и тысячи тонн взрывчатки поднимутся на воздух! Там накоплено то, что будет убивать нас, если мы это не уничтожим. Следующее изображение.

Картинка снова сменилась.

²⁸ В нашем мире лагерь Охри, служивший основным распределительным центром для афганских моджахедов, в котором были складированы тысячи тонн оружия и боеприпасов, взлетел на воздух по неизвестным причинам в 1988 году (Прим. автора.).

– Цель номер три. Дом в Джелалабаде, самый большой дом в этом городе, а возможно, и во всей стране, если не считать королевских дворцов. В этом доме живет принц Акмаль, который не только является родным братом правящего монарха, но и руководителем Джелалабадского синдиката, крупнейшей наркомафиозной группировки мира!

Кое-кто из сидевших в зале недоуменно переглянулся. Что же это за страна такая? У государя было два брата и сестра. Один из братьев был главнокомандующим ВМФ Российской империи, полным адмиралом. Второй руководил несколькими фондами, занимающимися поддержкой инновационных разработок и новых промышленных технологий. Сестра государя была замужем за фельдмаршалом Раевским, военным министром, занималась, как и подобает даме царских кровей, меценатством, собирала произведения искусства для публичной галереи в Санкт-Петербурге, которая по коллекции современного искусства уверенно превосходила Эрмитаж и Третьяковку. Просто невозможно было представить, чтобы родственник государя стал преступником, возглавил банду. А тут – пожалуйста!

– Цель номер четыре – это здание в Кабуле считается исламским центром и медресе. На самом деле, по данным разведки, здесь скрывается крупнейший в мире центр по психологической подготовке террористов-фанатиков, готовых умереть ради того, чтобы унести с собой в могилу других людей! Здесь воссоздан замок «старца горы», где гото-

вили хашишинов, здесь применяются самые передовые психотехнологии, здесь работают специалисты наивысшей квалификации по промыванию мозгов, прежде всего – из Великобритании. Из этих стен в год выходят сотни фанатиков, готовых сеять смерть и разрушения. Уничтожив это осиное гнездо, мы отбросим терроризм на десятилетие назад в его развитии!

Мы не варвары. И в Афганистане есть и другие цели, которые должны быть уничтожены – вся страна живет от торговли наркотиками, в каждом городе есть похищенные и рабы. Но пока – мы просто пошлем им весть. Пусть помнят! И пусть боятся!

Берет. Берет...

– Подумайте вот о чем! Кто-то из вас молится Христу, кто-то почитает Аллаха. Мы все разные, но мы живем в единой стране и под одним небом! Кто-то, возможно, решит, что бомбить – не по заветам Аллаха и не по-христиански. На это может быть только ответ: мы не нападаем! Мы – защищаемся! Для того чтобы объявить войну – необязательно перейти границу вместе с армией. Они давно напали на нас, белая смерть – их оружие. Они не почитают ни Аллаха, ни Христа – никого, хотя многие лицемерно встают на намаз и строят мечети на деньги, вырученные ими за горе и страдания людей. Они – преступники, а Аллах, словами пророка Мухаммеда, сказал – сражайтесь, но не преступайте! В страхе своем они не осмеливаются объявить нам открытую вой-

ну и захватить нашу землю, поскольку знают, что будут разбиты. Они отсиживаются за границей, за этой нарисованной на карте тонкой чертой и думают, что граница их защитит.

Цесаревич сделал паузу.

– Но для возмездия не существует границ! Возмездие сегодня – это вы, вы те, кто должен рассчитаться с негодьями! И никто, кроме вас, никто лучше вас это сегодня не сделает, никто, кроме вас, не защитит Россию. С нами Бог, господа!

– За нами Россия! – громыхнуло в едином порыве.

Только Господь знает, как трудно было наследнику проносить эту речь – услышав «за нами Россия», он тяжело выдохнул и попытался не показать усталости. Честное слово – лучше два раза в качестве наказания пробежать ту восьмикилометровую дистанцию, которую они бегали каждое утро в Туркестане. Восемь километров вверх, по иссушенным солнцем скалам, вверх, когда больше нет сил, вверх – чтобы коснуться ноздреватого, лежащего здесь не одну сотню лет камня и бежать вниз. А потом – еще раз вверх.

Он был представителем новой династии монархов – третий из числа этой, побочной ветви, всего раз сменившейся на троне. Он знал, как вел себя дед – и он видел, как ведет себя отец. Его отец – скромный и спокойный, исполненный чувства собственного достоинства человек, до сих пор каждое утро преподносящий своей жене букет собственноручно срезанных в оранжерее цветов, был совершенно непубличным. Все его публичные выступления сводились к трем-

четырем появлениям на экране телевидения каждый год и несколькими интервью солидным изданиям, в основном деловым. Отец рьяно боролся за то, чтобы оградить от излишнего внимания семью – и страшно переживал, когда или сын, или Ксения во что-то вляпывались и становились героями газетных страниц. Отец не сказал ни слова, когда Мария – перейдя в православие, Моника Джелли приняла русское имя Мария – от нечего делать принялась вести еженедельную передачу на телевидении и несколько колонок в журналах – хотя сын видел, что отец этим недоволен. Отец имел власть, он получил ее по наследству, он не собирался бороться за нее – он просто исполнял свой долг перед Россией, так, как его понимал, и ожидал, что остальные будут поступать так же.

Но, в отличие от отца, Николай кое-что понял. Интернет и телевидение все изменили – за власть нужно бороться даже монарху. Открывая газеты, просматривая интернет-сайты, он видел предложения, касающиеся государственных дел, настолько глупые, что он не мог понять, как такое могло прийти в голову людям. Он видел статьи – настолько гнусные и лживые, что этих писак следовало бы вызвать на дуэль. Он знал, как поступил в такой ситуации его друг – сжег типографию и отхлестал плетью журналиста, он не выразил по этому вопросу никакого мнения, но внутренне – одобрил. Однако Николай был человеком незаурядного ума и понимал, что всех на дуэль не вызовешь и каждому – рот не заткнешь. Подонков, лжецов, спекулянтов на беде – надо бить

на их поле и их оружием, запретами сделаешь только хуже.

Николай все больше становился не только наследником, но и публичным политиком. Он занимался риторикой и оттачивал мастерство публичного выступления, до ночи изучая приемы великих ораторов. Он не только изучал стоящие перед огромной страной проблемы, но и активно высказывался по ним, предлагая пути решения и публично споря с теми, кто был не согласен. Отец не одобрял этого, он считал, что кто спорит, тот уже не прав, но Николай не соглашался и приводил свои аргументы. Он все больше становился рупором «консервативного большинства», говоря их языком, высказывая их взгляды на жизнь и становясь их представителем – не по наследству, но по доверию. Отец говорил, что монарх не должен так поступать, монарх должен быть отцом всех подданных, но Николай опять был с ним не согласен. Всем отцом не станешь, а вот допустить, чтобы велеречивые подонки, оболванив народ утопичными мечтами и лелея в душе гнусные замыслы, завели и народ, и страну в трясины – он не мог. Он не думал о ближайших выборах – он думал о будущем. О стране, которую ему рано или поздно придется принять, а потом передать сыну. Он отличался – от публичных политиков Запада, от думских говорунов тем, что не только говорил, но и делал и готов был нести ответственность за сделанное.

Как сейчас. Так, как и подобает будущему императору.

27 июня 2002 года
Висленский военный
округ, сектор «Ченстохов»
Пограничная зона

Никакое дело, будь оно сложное или простое, не решается с наскока. Вперед, в атаку – это удел кавалерии. Пластун должен думать. Рассчитывать. Готовиться ко всему.

Нового есаула пока не присылали, командовал Чернов. Казаков, как всегда, не хватало, теперь на подъесаула свалились и обязанности есаула как коменданта сектора – это в придачу к его обязанностям как зама по боевой. Уставший и измотанный валящимися на него, будто из рога изобилия, все новыми и новыми проблемами, подъесаул даже не обратил внимания на то, что сотник Велехов предложил отправить на Дон грузовик, который стоял ни к селу ни к городу в расположении. Тот самый, в котором были бадяжные сигареты и оружие. Спирт сдавали сразу, потому что за спирт хорошо платили, и по вполне понятным причинам лучше было бы, если бы спирт не задерживался в расположении казачьей части. А до транспорта с сигаретами и оружием ни у кого просто не доходили руки. Взмыленный, затурканный подъесаул просто махнул рукой – ездай. Договорились, что едет

сотник до Варшавы, там он сдаст сигареты на таможенный склад и востребует вознаграждение за них. Потом он заедет в ставку – так называли сборный пункт, где накапливались отряды казаков, прибывающие со всех казачьих войск и дожидющиеся распределения по секторам. Там он договорится с кем-то из отпахавших командировку казаков с Донского, чтобы они отогнали машину с оружием на Дон, в распоряжение Круга. Потом с попутным транспортом они вернутся в расположение. Ни у кого не вызвало вопросов и то, что в дороге до Варшавы Велехов попросил попутчика – Соболя. Мало ли – целая машина идет с контрабандным грузом, могут и отбить. Да и за рулем проще, если есть напарник, устал – можно отдохнуть, а машину напарник поведет.

Второй проблемой были патроны. Оружие было, много оружия, но не было патронов к нему. Достать патроны – по крайней мере, по боекомплекту, вызвался Божедар, не раз закупавший оружие и патроны к нему и знающий, к кому обратиться.

Тем временем на границе назревали события.

Двадцать седьмого июня в соседнем секторе при попытке прохода через границу была застигнута врасплох крупная банда. Казаки вступили в бой с ходу, вызвали подкрепление. Поскольку первый удар был нанесен не из засады, а количество бандитов в разы превосходило количество казаков – потери были серьезные, на Кубань в гробах отправили троих. Когда подошло подкрепление, вместе с ним бронетранс-

портер и в дело вступило тяжелое оружие – бандиты уже отходили, оставив арьергард. Все «трофеи», доставшиеся казакам – использованные перевязочные пакеты, кровь, следы волочения. Действия казаков были признаны неудачными, поскольку отсечь банду от границы и окружить так и не удалось.

Двадцать восьмого в одном из приграничных польских селений произошел взрыв такой силы, что разрушил семь домов, а во всех остальных – повалил заборы и повыбивал стекла. Воронка от взрыва была глубиной двенадцать метров. Что произошло – узнать так и не удалось: хозяин дома и все те, кто в этот момент был в доме, погибли, жившие в селе поляки не были настроены сотрудничать. Жил человек и жил, понятно, что таскал что-то через границу. Но что могло взорваться с такой силой – Господь ведает.

Двадцать восьмого же и сегодня, двадцать девятого, в двух местах – в секторе Ченстохов на дорогах были обнаружены фугасы. В двух из трех случаев произошел подрыв. Первый раз подорвался трактор с поляками – четверо двухсотых. Во второй раз подорвались казаки, отделались ранениями и контузиями, но один из «Выстрелов» был выведен из строя и ремонту в полевых условиях не подлежал.

Еще произошла массовая драка, буквально у самого расположения казаков. Началось все с мелочи – сербы и поляки не поделили что-то во время танцев. Закончилось – бутылками с бензином и казаками, вынужденными стрелять в

воздух для усмирения толпы. Беспорядкам положил конец Чернов – не долго думая, он шарахнул из крупнокалиберного пулемета прямо поверх голов. Польские парубки попадали на землю, а потом разбежались...

Сегодня, после дежурства, Велехов и Соболев решили заехать к сербам, чтобы окончательно все обговорить. Выступление намечалось в ближайшее время ночью, чтобы утром быть у таможенного поста. Утром и вечером перед таможенными постами скапливаются огромные очереди, и таможенники не особо утруждают себя осмотром машин.

Сербское поселение обезлюдело, это сразу было заметно. На улице почти не видно детей, не играла музыка. На многих домах были подвешены черные вымпелы и флаги – знак скорби по ушедшим из жизни.

Божедар стоял на посту, бледный и осунувшийся за эти дни, на щеках горел лихорадочный румянец. Он похудел, черты лица заострились, в глазах появилось несвойственное ему выражение – жестокости и неукротимой злобы.

– А, паны казаки... Здорово дневали... – поприветствовал он свернувший к населению «Егерь».

– Дело есть, – сухо проронил сотник, – садись до машины. Божедар хотел что-то сказать, видимо, что-то грубое и злое, но сдержался. Сел в машину...

Над домом Радована, в отличие от многих других, траурного флага не было. Не горела и кузня – потому что хозяина не было, и ковать ограды и железные розы было некому.

– Скажи, что хотел сказать, – произнес Велехов, глуша мотор.

– Скажу, что нечестно вы поступаете, русы! Как за вас – так все сербы горой. А как наша беда – так вы в стороне!

– Все сказал?

– А что – не так?!

– Спрашиваю – все сказал?

– И того достаточно!

– Тогда меня послухай, уважь возраст, – я вдвое старше тебя как-никак. Ваша война – не ведет ни к чему. Усташей больше, чем вас. Живите – есть земля. А то, что вы туда пошли, – в том мы не виновны, сами собрались и двинули! Сами солили – самим теперь и хлебать! Понял?

Серб не ответил.

– Пошли в дом – там погутарим.

Странно, но не лаяла даже собака. Здоровенный Вук лежал у конуры, уставившись непонятно куда.

– Кормил хоть? – с укором спросил сотник.

– Кормил. Не ест. С той поры – и не ест ничего.

Собака, а чувствует...

В доме на всем тонкий слой пыли. Дом был нежилым, это сразу чувствовалось теми, кто туда входил. Не было в нем больше жизни.

– Ну вот, и поговорить добре...

Сотник по-хозяйски прошел к столу, за которым недавно дневал с хозяевами, рукавом смахнул пыль

– Как жить дальше думаешь?

– Как жить – воевать! Я их рвать буду, только потом – жить. А если Богоматерь не заступится, там и лягу с честью.

– Один?

– До доброго дела – охотники найдутся.

– Ну... тогда и меня с казаками... в охотники записывай.

Божедар недоверчиво посмотрел на сотника.

– Окстись.

– Вот тебе истинный крест, – сотник широко перекрестился, повернувшись на образа

– Тогда...

– Тогда, – сотник не дал договорить, – с умом надо все делать! Ты думаешь, там тебя не ждут, друже? Ждут, и еще как ... Там волкодавы. Они знают, что ты мстить пойдешь. А надо... бить по больному, там, где они не ждут. Давай зови сюда свое войско. Гутарить все вместе будем.

Войско и в самом деле производило впечатление. Более чем.

Сотник посмотрел на сербов. Цыкнул зубом.

– Божедар – на баз зараз выйдем. Погутарим.

Вышли. Уже стемнело... да только в редком доме сербского поселения горели окна. Темно было в сербском селе.

Серб вопросительно смотрел на сотника.

– Ты – в уме? – начал Велехов.

– А что?

– Ты кого подбиваешь туда идти? То ж дети!

– Да они ходили, кто и не по разу! – мгновенно завелся Божедар.

– Им сколько лет? – перебил сотник.

– Жельо пятнадцать уже, Мартину...

– Вот пусть и сидят Жельо с Мартином – дома. Там не детский сад. Там нейтралка, а за ней – лес. Там, где ты – зверь, а есть и охотники.

– Так не раз же... – не отступал Божедар.

– То вы со взрослыми ходили. А не одни. Разница есть. Я грех на душу брать не собираюсь, пусть дома сидят. Четники, блин!

– Сами пойдем!

– Схватим – выпорем, – припечатал сотник, – вот те крест, схватим и выпорем. Я за другое. Ты знаешь кого... там, кто бы оружие в руках держал?

– Знаю, – смутился Божедар, – ты к чему говоришь, пан казак?

– Да к тому. Мне там люди нужны, понимаешь – люди!

– Найдутся люди!

– А точно? Смотри... там не до шуток будет. Ваших – сдал кто-то. ХауптКундшафтШтелле – знаешь, что такое?

– Знаю... – помрачнел Божедар, – добраться бы.

– Не загадывай. Кубыть и доберешься. Завтра утром скажешь – едем или нет. Только надежные люди нужны... хотя и сами проверим.

– Будут люди. Им только оружие нужно – все возьмутся.

– За всех никогда не говори. Говори – за себя. А оружие найдется, сам знаешь. И немало...

30 июня 2002 года
Висленский край, Варшава
Здание штаба Висленского
военного округа

А вот графу Ежи Комаровскому – повезло. Он и сам не знал, как, но повезло. Потом, правда, узнает – и проклянет все на свете, оставшись совершенно один в этом мире.

Как ни странно, он исчез с горизонта на два дня по одной простой причине – он искал Елену. Не найдя ее ни в одном из клубов и зланных мест Варшавы, Ежи решил ждать ее у дома, рассудив, что рано или поздно она там появится. Припарковав машину на стоянке, он молча, терпеливо ждал, час за часом. Дважды он выходил, чтобы купить немного еды и сделать другие дела, какие возможны. И лишь рано утром тридцатого он проснулся, посмотрел в зеркальце заднего вида, увидел себя – грязного, заросшего неопрятной щетиной, всклокоченного – и понял, что так нельзя.

Ближайшим местом, где можно было привести себя в порядок и где бы его пустили – было здание штаба округа, там был, по крайней мере, рукомойник и «дежурная» бритва, потому как офицеры из странствий возвращались в самом разном виде, а устав требовал от них пребывать в виде опрят-

ном. И если на удаленном полигоне на это внимание не особо обращают, то в здании штаба округа извольте соответствовать.

Машину он припарковал недалеко от здания штаба, благо по раннему утру места для парковки были. Металлодетектор среагировал на наган в кармане, но у него в удостоверении написано «с правом ношения оружия», и потому внимания на наган не обратили. Только приняхались – нахождение офицера в людных местах в нетрезвом состоянии и при оружии считалось проступком и влекло за собой взыскание. Но спиртным от графа Ежи не пахло, пахло много чем другим – и пахло омерзительно.

В караулке граф Ежи привел себя в порядок – умылся несколько раз с мылом, кое-как вымыл голову над рукомойником, побрызгал на себя «дежурным» одеколоном, единственным ароматическим достоинством которого было то, что он напрочь отшибал любые другие запахи, даже сильные. Побрился безопасной бритвой – не слишком опрятно, но и так сойдет. Кое-как привел в порядок одежду, шагнул в вестибюль...

Улицу в то время еще не перекрыли. Демонстранты уже собирались, до поры до времени они скрывали свои намерения, чтобы не разогнала полиция – он их не заметил, и они, что немаловажно, его – тоже.

И на припаркованный прямо напротив здания штаба округа большой лимузин «Вольво» с затемненными до черно-

ты стеклами и гербовым, «с орлом» пропуском на лобовом стекле он тоже не обратил внимания – ни он, ни охрана.

А стоило бы...

– Пан Комаровский, вас ожидают... – сказал дежурный офицер, майор с фамилией, которую граф Ежи никак не мог запомнить, и в очках в тонкой золотой оправе. – Я открыл кабинет...

На последние слова граф Ежи резко остановился.

– Кто ожидает?

– Велели не сообщать.

Понятно...

Собственно говоря, граф Ежи и не удивился, увидев в своем кабинете сухощавого, с иголки одетого пана Збаражского из «безпеки войсковой». Он нервно ходил по кабинету, услышав, как открывается дверь, продолжал ходить.

– Доброго здоровья, пан Збаражский. – Мутная волна злобы на этого человека просто душила, не давала жить.

– Доброго здоровья и вам, – буркнул Збаражский, – зачем вы это сделали?

– Затем, что нечего!

– Что значит – нечего? Вы понимаете хоть, что вы натворили?

– Я всего лишь покарал подлеца и ублюдка.

Збаражский вышел из себя – он резко хлопнул ладонью по столу, граф впервые видел, чтобы разведчик был в таком состоянии. В замкнутом стенами помещении это прозвучало

как выстрел.

– Всего лишь? Всего лишь?! Вы так спокойно об этом говорите, что, право, – мне становится страшно.

– А мне становится страшно, пан полковник, оттого что мы видим зло и ничего не делаем, чтобы покарать его!

– Работа полицейского заключается в том, чтобы размазывать клубок до конца, а не отрывать от него первую попавшуюся нить! Вы должны были втереться к нему в доверие и узнать, с кем он работает, кто поставляет ему наркотик, кто связан с ним! Вот что нужно было сделать, нам нужна вся банда, а не только профессор!

– Это я как раз узнал... – мрачно произнес граф. – вам известен некий пан Жолнеж Змиевский?

Збаражский остановился, повернулся к графу:

– Кто?

– Жолнеж Змиевский. Этот пан, судя по словам профессора, промышляет наркоторговлей по-крупному. Профессор работает на него. И более того – по мнению пана Ковальчека, пан Змиевский является сотрудником полиции или спецслужб.

Збаражский все более успокаивался.

– Он сам вам об этом сказал?

– Да, сам. Вы знаете пана Змиевского?

– Нет, но узнать будет нетрудно. И все равно – вам не стоило его убивать, теперь у нас нет свидетелей против этого Змиевского, придется начинать все с начала.

– Простите... – графу Ежи показалось, что он что-то недопонял.

– Нет свидетелей, говорю. Возможно, вы считаете, что беспека может хватать людей, каких ей вздумается, но это далеко не так. Над нами есть надзирающий спецпрокурор, и мы тоже подчиняемся закону. Этот Змиевский – что я ему теперь предъявлю? Ваши слова? Со слов покойного пана профессора Ковальчека? С чужих слов – не примет не один суд.

– Да я не об этом... что значит... покойного пана Ковальчека?

– Да то и значит! Зачем вы его убили?!

– То есть, как так – убил? – снова не понял граф Ежи. – что значит убил? Я его просто избил, а не убил.

Теперь недоуменный взгляд бросил на собеседника пан Збаражский.

– Нормально вы его избил. Вы его застрелили, его обнаружили мертвым. Убитым из пистолета!

– Я его не убивал!

Пан Збаражский покачал головой.

– Спокойнее, мы не в полиции. Я не прокурор и не судья, убили – ну, что поделаешь...

В следующую секунду граф Ежи сделал два шага вперед и схватил пана Збаражского за грудки, потрянув его, как охотничья собака подстреленную утку.

– Я его не убивал, слышишь, ты, курва!! Не убивал!

– Отпустите! – приказал пан Збаражский, не меня выра-

жения лица.

Граф оттолкнул от себя разведчика, так что, если бы не стол, тот упал бы на пол.

– Я его не убивал, – глухо повторил граф, начиная понимать, что произошло непоправимое.

– Тогда кто? – ответил пан Збаражский, приводя одежду в порядок.

– А я знаю?! Этот ублюдок торговал наркотиками! Кокаином – я у него больше килограмма в унитаз высыпал! Его любой мог грохнуть, любой! Когда я от него уходил, он был еще жив, понимаете, жив! Я ему сказал, что убью, если он еще раз подойдет к Елене или снова начнет торговать, и ушел! И все! Вот, смотрите!

На пыльную, неприбранную поверхность стола грохнулся укороченный наган.

– Посмотрите! У меня был этот наган, я ему им пригрозил! Ткнул стволом в зубы и сказал, что вышибу мозги! Но я не стрелял – видите, все семь патронов в барабане.

– Ну... можно было и перезарядить.

– Понюхайте! Из него не стреляли лет пятьдесят!

Пан Збаражский достал из кармана пиджака платок, навернул на руку, поднес револьвер стволом к носу, понюхал...

– Действительно... курва блядна...

– Что я вам говорил!

Полковник протянул обратно револьвер владельцу.

– Заберите. Насколько я понимаю – он наградной...

– Моего прадеда...

– Тем более заберите. Итак, вы говорите, что не убивали Ковальчека?

– Матка боска, именно это я и говорю уже битых полчаса! Не убивал я его, когда я уходил – он жив был!

– Тогда кто его убил?!

– Йезус ведает! Пусть полициянты и разбираются!

Збаражский тяжело вздохнул.

– Уже разобрались... Вы знаете о том, что вы в розыске?

– То есть? В каком розыске?

– Пока – по Варшаве... Сегодня утром сторожевик²⁹ на вас выставили, пока – в пределах Варшавы, но так – и до общеимперского недалеко. У нас программа, она отслеживает всю информацию по лицам, сотрудничающим с вами. Мы вас ищем целый день, где вы были все это время?

– Не ваше дело... – буркнул граф

– Не мое?! Не мое?! Вы хоть понимаете, что с меня за совершенное моим агентом убийство – могут погоны долой! Или неполное служебное – и вперед, стучит паровоз, Сибирь под колесами³⁰! Какое к бисовой маме не мое?!

– Извините...

Удивительно, но графу в самом деле стало стыдно. Он был воспитан так, что одним из самых тяжких грехов в его системе моральных ориентиров считалось подвести другого чело-

²⁹ Бумага на объявление в розыск (полицейский/милицейский сленг).

³⁰ Фраза из популярной песни.

века. Тем более – полковника.

– Этим делу не поможешь... – немного успокоился Збаражский, – надо разобраться, что к чему. Рассказывайте. Все до мельчайших деталей, что вы делали в тот день. Говорите правду, может быть, мне еще удастся что-то сделать и для себя, и для вас.

– Ну... я с Еленой поссорился... узнал, что она на кокаине сидит. Потом...

– Что потом? Говорите.

– Проследил, где она берет. Оказалось – на авеню Ягеллонов. Там меня полицейский видел, штраф выписал.

– Штраф?

– Да, за неправильную парковку.

– Это худо... – сказал Збаражский, записывая в блокнот.

– Почему худо?

– Да потому! Вы знали, куда эта ваша... пошла?

– Откуда же мне знать, там домов под сотню.

– А там профессор и жил! Информация о выписанных штрафах собирается в единой программе, чтобы потом контролировать взыскание! Из этой программы ее может увидеть любой полицейский, и получится, что вы за несколько дней до убийства были у дома этого проклятого Ковальчика! И это доказано – полицейским и штрафом. Что вы там делали?! Следили, чтобы убить – вот что подумают! А я вас направил на это дело!

– Но я же...

Тут до графа дошло, что Елена ему алиби не даст – хотя бы потому, что она не знала, что за ней следят. И все очень шатко.

– Пся крев...

– Вот так вот! Вы полицейского запомнили?

– Откуда... Здоровый...

– Ладно, найдем. Дальше.

– Дальше... Этот пан Ковальчек мне позвонил. Я как раз тут был, сидел... думал что делать.

– Он вам что – сюда позвонил? – изумился Збаражский.

– Ну да... – протянул граф Ежи и тут же понял, чему изумился полковник. Он так и не понял тогда – что в его состоянии вполне простительно.

В здании штаба Висленского военного округа нельзя было иметь при себе никакие сотовые телефоны. Они изымались при входе и выдавались при выходе, кроме того – здесь работали генераторы помех, делающие невозможными любые звонки. В общедоступных телефонных справочниках были телефоны только дежурной части и никаких более. Получается, что пан Ковальчек откуда-то знал номер, на который ему нужно было позвонить... а ведь он...

– Вы давали номер своего телефона очаровательной пани Елене? – угадывая мысли графа Ежи, спросил его полковник.

– Никак нет, нельзя же... Что это значит?

Полковник Збаражский снова что-то строчил в своем

блокноте.

– Боюсь, что ничего хорошего. С нами играет какая-то разведка, она нашла способ подставить вас, да и меня заодно вместе с вами. Хорошо, сначала разберемся, что тогда произошло. Он вам позвонил – и?

Какая – не составляет труда догадаться. Та самая, которая и леди Алисию Гисборн сюда заслала.

– Пригласил на какое-то собрание. В университет.

– Как пригласил?

– Обычно. Сказал, что Елена там будет.

– То есть он знал, что у вас проблемы.

– Да... наверное.

– Хорошо, дальше.

– Дальше я пошел. Мы встретились перед университетом, Ковальчек сказал, что нас пропустят только вдвоем.

– А заодно – перед университетом работают камеры уличного наблюдения, – добавил полковник, – а вот на самой территории их нет ни одной. И вас, получается, они запечатлели. Продолжайте, продолжайте.

– Ну... мы вошли в здание.

– Минутку. В какое время это было?

– Между девятнадцатью и двадцатью часами, ближе к девятнадцати.

– Точнее не помните?

– Нет.

– Хорошо, дальше.

– Дальше мы пришли на факультет. Химии, там комната побольше, там и собрались. Человек двадцать, в основном паненки. И Елена там была.

– Как вас представили?

– Просто – как Ежи. Профессор сказал.

– Дальше.

– Дальше лекторша какая-то появилась. Не сразу, Ковальчек ей звонил, потом она пришла. Какая-то пани Алисия Гисборн.

– Опишите.

– Ростом... среднее между вами и мной, мужеподобная, лицо вытянутое, одета плохо.

– То есть – плохо?

– Ну... Женщины всегда одеваются так, чтобы быть привлекательнее. А эта... как будто специально оделась, чтобы недостатки свои выказать. Лицо вытянутое, по возрасту – ближе к сорока, хотя голос молодой.

– Ей двадцать девять – улыбнулся полковник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.